

Габриэль Коста

18+

*Моя дорогая
Оли...*

Габриэль Коста
Моя дорогая Оли...
Серия «Звездная коллекция
молодежной прозы»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69453322

Моя дорогая Оли... Роман: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-157310-2

Аннотация

«Жизнь – нескончаемый праздник» – таков девиз Оливии Корон. Яркая, принципиальная и безумная, она сыграла важную роль в истории своих друзей. Однако в череде событий Оливия не заметила, как осталась совершенно одна. К тридцати трем годам она устала быть свидетелем чужого счастья и решила отправиться на поиски своего собственного. Случайная встреча со знаменитым писателем и вместе с тем одним из самых красивых парней по версии модных журналов – Ричардом Альваресом способна дать Оливии то, чего, кажется, ей так не хватало, – любовь. Вот только Оливия упорно бежит от счастья, но, возможно, природа наградила Ричарда длинными ногами, чтобы поспевать за ней и всегда быть рядом.

Это история о поиске самой искренней и важной любви. Это история Оливии Корон!

Содержание

Пролог	8
Точка кипения	13
Птица, покинувшая клетку	39
За плечами Париж	65
Призрак Клуба	89
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Габриэль Коста

Моя дорогая Оли...

Роман

Мне бы хотелось посвятить эту книгу своей подруге Александрии Рихтер, а также всем, кто отчаянно ищет свое место в жизни. Вы уже достойны счастья, не забывайте об этом и любите себя.

* * *

Copyright © Габриэль Коста, 2023

© Дарьи Дмитриевой, иллюстрация на обложке и в блоке

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ОТЗЫВЫ

Книжный блогер tarache.ks

История Оливии – это история человека, который в определенный момент жизни останавливается, чтобы осознать и понять, куда двигаться дальше. Казалось бы, у тебя все есть: собственная квартира, успешная карьера, улыбки и благодарности от пациентов, верные друзья, заполненная контак-

тами телефонная книга, но ты чувствуешь одиночество среди толпы. Оливия окружена людьми, каждый день она работает и спасает души, но кто спасет ее собственную? Книга о том, как мы бежим от самого себя, скрывая все за улыбкой. Но настанет тот момент, когда захотим остаться, когда захотим выбрать другую дорогу. Дорогая Оливия, ты достойна быть счастливой. Как и каждый из нас.

Лео Велес, блогер @box_37

Теплая история о поиске себя в этом мире. Вам предстоит окунуться в омут переживаний зрелых людей, отчаянно стремящихся отыскать свое настоящее «я». Книга, дарящая надежду, что чудеса случаются даже со взрослыми... Если позволить себе поверить в них... И в себя.

Книжный блогер Алена alena_alexeeenko

Никто не застрахован от того, чтобы не разлететься на мелкие осколки под тяжестью собственной вселенной. А как себя собрать?

Твой выход, Оли.

Пора найти дорогу домой.

Книжный блогер @al_mo_bookss

«Моя дорогая Оли...» ведет читателя запутанными тропками, вызывая миллионы вопросов, заставляя гадать, но с жадностью следить за развитием событий. «Моя дорогая

Оли...» – это путешествие вглубь себя, это поиск самой себя, обретение душевного равновесия, любви.

Писатель Сьюзи Литтл

Если и есть в книжной вселенной персонаж, который незаслуженно обделен вниманием, так это Оливия. Эта девочка оставляет свой неизгладимый след в жизни и в сердцах читателей. И она тоже, безусловно, заслуживает счастья. Ну, что же, пристегните ремни: настал черед нашей дорогой Оли поведать нам свою историю.

Ольга Аст, автор цикла «Последний Словотворец»

Вместе с Оливией читателю предстоит пройти путь от Парижа до Малайзии в погоне за ответами на извечные вопросы. Приготовьтесь к тому, что по дороге ярким блескам суждено осыпаться, а пальто незнакомца станет поворотным моментом в жизни. «Моя дорогая Оли...» снимет перед нами все маски и закроет гештальт в лучших традициях Габриэля Косты.

Книжный блогер tinarun

«Моя дорогая Оли...» – это история о пути к самому себе, осознание, кем ты являешься на самом деле, и понимание своей ценности и значимости для окружающих тебя людей. Важно не только помогать близким, но необходимо и уметь принимать помощь. Ведь даже самый сильный человек од-

нажды будет нуждаться в протянутой руке и заботе. А постоянно прятаться за улыбкой, скрывающей огромную боль, не выйдет. Быть счастливым или всю жизнь нести на себя груз вины. Что выберешь ты?

Пролог

– Итак, Оливия Корон, приступим.

Голубые глаза, полные злости, гипнотизировали пластиковый стакан с водой. Разноцветные пряди волнами спадали вниз, переплетались между собой, словно водопад из красок. Ее внимание, несмотря на настойчивую просьбу офицера полиции поднять голову и посмотреть на него, переключилось на собственные руки, так некстати напомнив о прилипчивой привычке друга. Отис, один из ее лучших друзей, всегда, когда переживал, смотрел на свои руки и выпадал из реальности. Взгляд скользнул по ногтям – два из них сломаны, но не время и не место думать о маникюре, когда твои руки скованы наручниками. Мог ли ее отец даже в самых безумных мыслях представить дочь на скамье подсудимых? Девушка покачала головой, от ярости крепко сжала зубы и дернула руками. Звякнула цепь. Крепкие наручники. Просто

так не снимешь, пришлось бы постараться, если бы она захотела избавиться от них. Вопреки желанию, девушка все же сгорбилась – она сильно устала. Яркое, блестящее платье натянулось на плечах. Напряженный выдох раздался откуда-то слева.

– Что, мы снова играем в молчанку?

На эти слова офицера подозреваемая только закатила глаза. Ей прекрасно были известны все уловки полицейских. Она тут второй день, и пока они не придумали ничего нового – просто запирали ее в маленькую комнату с тусклым светом. Тьма... Тьмы она точно не боялась.

– Хорошо, начнем сначала.

– А что – допросы могут начинаться с конца? – она резко подняла голову, и пряди волос чуть заблестели. Она закусила нижнюю губу, включаясь в глупую игру и желая взять от ситуации максимум. – Что за тупая фраза? Начнем сначала? Вам ваше руководство не давало никаких указаний? Вы знаете, кем я работала несколько месяцев назад, офицер Китайские Палочки?

– Китайские Палочки? – на мгновение полицейский опешил от странного прозвища. Он точно представлялся, когда заходил в комнату. Задержанная намеренно игнорировала его.

– У вас штаны не по размеру, а ноги худые... как китайские палочки, – девушка склонила голову набок. – У вас носки выглядывают из-под штанов, а штанины обтягивают ноги,

как сетка колбасу, – она кровожадно облизала губы. – Ваш вид не устрашает, только смешит. Мой совет: купите себе форму подходящего размера, – бросила она лениво и откинулась на спинку стула.

– Когда мы решим с вами все вопросы, я обязательно куплю новые штаны, – раздраженно бросил офицер.

Оливия вопросительно приподняла бровь. Неужели он собирался играть в плохого и хорошего полицейского... один?

– Мне доподлинно известны ваши характер и манера речи. А главное – ваша профессия. Однако полиция США и не таких раскалывала. И вы не станете исключением.

– Ох, месье полицейский, я не понимаю вашего вопроса, – на ломаном английском заговорила подозреваемая, широко улыбаясь. – Вы сказали, что изнасилуете меня, если я не дам показания? Мне нужен адвокат! Я требую адвоката!

– Мисс, ведется запись нашего разговора, такой маневр не сработает, – полицейский улыбнулся и бросил красную папку на стол. – Дайте показания, как взрослый человек, и мы... я освобожусь пораньше.

– Красная папка? Может, предложите мне сделать выбор между синей и красной папками¹? Вы не оставляете никакого простора для фантазии! Мне нравится блаженная ложь. Поверьте, офицер Нео, я ей всю жизнь упиваюсь. Я выбираю

¹ Отсылка к фильму «Матрица», где главному герою предлагается сделать выбор между синей и красной таблетками. – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

синюю папку!

Не выдержав насмешливый тон подозреваемой, полицейский сорвался и пнул свой стул, который упал на пол. Вода пролилась из стакана, стоявшего на столе.

Задержанная посмотрела на все это с равнодушием.

– И что же это было, офицер-невротик? Вы пытались меня напугать? Я принимала роды у коровы. Мне вообще ничего не страшно.

– Вы знаете, какие обвинения вам предъявляют?

– Да.

– Тогда я не понимаю, почему вы так расслаблены и спокойны, – зашипел полицейский.

– Знаете, сколько в мире происходит *убийств*? – она посмотрела в сторону, прячась не от внимательного взгляда полицейского, а скорее от собственных мыслей. Что она поняла в жизни, так это то, что от себя не убежать. – Если бы я переживала каждый раз за то, в чем меня обвиняют... до тридцати трех бы не дожила.

– Тогда позвольте мне еще раз зачитать обвинения, и мы приступим к обсуждению, – полицейский скрипнул зубами и поднял стул. – Мы даже не определились с вашей позицией по данному делу. Поменьше сарказма, шуток и... давайте уже перестанем тратить время.

– Прекрасно, офицер, зажигайте! – она улыбнулась и попыталась изобразить, как поджигает зажигалку.

– Оливия Корон. Возраст: тридцать три года. Родилась в

Париже. Последние несколько лет работала частным психотерапевтом. Детей нет. Животных нет. Не замужем.

Хотя полицейский говорил холодно, Оливии казалось, что ей *уже* вынесли приговор в виде проклятого одиночества. Она опустила руки вниз и сжала кулаки. Никто и никогда не должен уличить ее в слабости. Тем временем офицер продолжил.

– Итак, Оливия Корон. Вам предъявлены обвинения *в убийстве человека*. Вам грозит высшая мера наказания в штате Техас – смертная казнь. Вы понимаете, что, если у вас не найдется алиби или же обстоятельств, смягчающих наказание, летом этого года вы отправитесь в камеру смертников? Что вы скажете в свое оправдание?

– *У меня не было выбора.*

Точка кипения

На зеленый, казалось, по-летнему свежий газон падали крупные хлопья снега. Переменчивая погода никому не давала шанса сосредоточиться. Скорее всего, через пару часов снег превратится в потоп из грязи и слякоти. Тринадцатое ноября. Слишком рано для такой погоды в пригороде Парижа, да и для Франции в целом.

Ее взгляд устремился вверх, к небесам, и в светлых глазах отразились серое небо, еле заметный туман и настырная печаль.

Оливия снова попала в капкан из череды однотонных дел. День начался с завтрака, и уже через мгновение резко наступило пять часов вечера. И вот уже они вместе с другом стояли и смотрели, как лениво падает на голову ледяной пепел небес. Снежинка коснулась ее лба, растаяла и побежала каплей вниз по щеке. Затем еще одна. И еще. Все происходи-

ло так медленно, что хотелось кричать, хотелось поторопить всех вокруг и саму вселенную. Возможно, она бы так и сделала, если бы знала, что ее ждет в конце. Избегание – не ее способ решения проблем. Идти тараном, пока не достигнет цели – или не найдется иной, более выгодный способ ее достижения.

А сейчас цели нет.

Она резко опустила голову вниз. Прядь волос выбилась из замысловатого пучка. Листок бумаги с подготовленной речью размок и развалился на куски. Затуманенный взгляд потерялся в узорах чернил на пальцах. Раздался гром, но она не шелохнулась. Кто-то коснулся ее руки.

– Оливия, слышишь? Хей, дорогая, ты готова? Давай лучше я? У меня есть что сказать.

Встревоженный голос заставил ее обернуться. Зеленые глаза пристально вглядывались ей в душу.

– Ты не в порядке. Произносить речь в твоем состоянии – это настоящее безумие.

– Нет, – отрезала она. – Я смогу. У меня все хорошо. Все *отлично*. Я справлюсь, – она проговорила это стальным тоном против своей воли. Совесть кольнула ее сердце за грубость, но сил, чтобы выжать из себя хоть какие-то извинения, не нашлось. Она просто посмотрела на друга. – Отис... Я могу встать и произнести эту речь. Я могу.

Хоть Отис кивнул, Оливии он не поверил. И не зря. Она повернула голову в сторону пьедестала. Там она должна со-

вершить последний рывок в череде сумасшедших дней, и потом можно упасть хоть в пропасть к сатане. Уголок губ дернулся в кривой улыбке. Ее отец никогда не верил в бога. Он отрицал и религию, по крайней мере христианскую, и отмахивался от споров и с атеистами, и с глубоко верующими. Забавно то, что над ним все же совершили бестолковые, с его точки зрения, обряды после смерти.

Оливия глубоко вздохнула, напряглась всем телом и приложила последние силы, чтобы подняться со стула. Она собиралась во что бы то ни стало пройти до этого пьедестала гордо и не упасть в грязь лицом – ни фигурально, ни буквально. Однако каблуки то и дело утопали в мягкой земле. В какой-то момент ее посетила мысль скинуть их, но Оливия смогла удержаться от еще одного провокационно-глупого поступка. Все происходящее ощущалось неправильным: не верящего в бога человека хоронили по католическим обычаям, а она шла к священнику не в черном одеянии, а в блестящем серебряном коктейльном платье, и не плакала. Вновь смерть поставила ее на колени, и теперь она вынуждена перекинуться с ней парой слов, как со старой приятельницей. Оливия встала около пьедестала, по рассеянности опустив глаза на руки, в поиске листа с подсказками.

– Мой отец...

Она остановилась и шокированно приоткрыла рот. Это действительно происходило. Оливия Корон хоронила последнего родного по крови человека. Ей тридцать три года,

и, несмотря на то что у нее было множество друзей, из родственников теперь никого не осталось. Взгляд судорожно бегал по собственному платью. Она пришла на похороны отца именно в нем, потому что... потому что ничего другого у нее не нашлось. Вместо скромного макияжа – боевой раскрас, яркий маникюр. Ее глаза скользили по головам присутствующих. Все в черном. Она одна – как сумасшедшая стояла и сверкала. Оливия Корон – белая ворона. Была и ей останется.

– Мой отец был хорошим человеком. Без преуменьшений. Когда мы оба потеряли маму, он стал мне настоящей опорой. Как мог он помогал мне найти свой путь. То, что наши профессии совпали – случайность, – Оливия сама не верила своим словам: случайности точно не случайны. Просто публичке нужно что-то сказать. Неправда подойдет. – Мой отец – гений своего дела. Больше двадцати пациентов на его похоронах – тому доказательство. Конечно, он совершал ошибки. Все мы их совершаем. Но именно он научил меня тому, что нам, людям, свойственно ошибаться. Важно нести ответственность за ошибки и уметь исправлять их, – она вдохнула резко, чуть не потеряв дар речи. – К сожалению, у его машины отказали тормоза. Кого винить в его смерти? Неизвестно. Производителя? Сервисных работников, к которым он заезжал накануне? В жизни так много переменных... – Оливия подняла голову. Пучок волос окончательно развязался, ее обдувал холодный ветер, и, кажется, снег превратился в

дождь. — Его жизнь и смерть учат нас одному: цените мгновения, которые у вас есть. Любите ваших близких. Не мешайте себе быть счастливыми. На этом я заканчиваю свою прощальную речь... Прощай, пап.

Стоило последнему слову сорваться с губ Оливии, как рабочие стали опускать гроб в яму. Цветы, которыми покрыли крышку, сияли белизной и невольно заставляли отвернуться от своей яркости. Оливия наблюдала за процессом, словно змея, выслеживающая мышь в траве. Она только сейчас поняла, как замерзла и устала.

Частная клиника «Корона» отнимала все ее свободное время. У них с отцом множились дела, и неважно, сколько они прикладывали усилий, меньше их не становилось. Количество пациентов росло, и в какое-то мгновение снимаемый офис превратился в трехэтажную клинику, где доктор Корон стал директором, а Оливия — заведующим врачом. Врачом, который вел всего лишь пару пациентов из-за высокой загруженности.

Гроб опустился на дно вместе с ее переживаниями. Собственная голова представлялась бутылкой, в которую заключили бурю из несвязанных мыслей и навязчивых идей. До зуда на кончиках пальцев Оливии хотелось вытащить невидимую пробку и дать им свободу. Она устала держать все в себе. Впервые за тридцать три года она почувствовала, как стенки ее собственной тюрьмы дают трещины.

Лопата одного из рабочих с резким хлопком погрузилась

во влажную землю, и ее комки посыпались на белоснежные облака из цветов. Оливия продолжала стоять и смотреть на то, как история жизни длиной в шестьдесят пять лет исчезает под ней. Настанет день, и ее прах тоже разлетится где-нибудь над восточным побережьем в США, или же ее тело разорвут животные в промерзлой Сибири, а может, плот с ее трупом спустят по реке и подожгут. Вариантов перейти из одной формы существования в другую уйма; благо, она не узнает, во что превратилась после смерти. Похороны – это вообще не о том, чего хочет покойный. Это о том, чего хотят живые.

Оливия написала бы завещание друзьям, но мысль о времени, которое катящимся камнем давило дружбу, надежды и ожидания, не давала ей этого сделать. Мама когда-то все же уговорила отца, чтобы его похоронили по христианским обычаям. Ужасно, что именно на плечи Оливии легло выполнение этого обязательства, хоть все это и логично. Дети – продолжение своих родителей. Их век обычно чуть длиннее. Жаль, что подготовиться к такому травмирующему факту, как смерть близкого человека, нельзя.

Как только последний комок земли упал на могилу, руки Оливии соскользнули с пьедестала. Дождь прекратился, и вдруг в груди разлилось тепло. То ли на улице резко потеплело, то ли она совсем обезумела. Рабочий воткнул в землю лезвие лопаты, и вместе с тем уши Оливии пронзил противный визг колес по асфальту. Она, несмотря на усталость, рез-

ко дернулась и распахнула глаза в поисках машины. Однако увидела лишь лес из крестов и могильных камней. Кладбище простиралось на несколько километров вперед. Дорога же, по которой они попали сюда, находилась в противоположном направлении. Взгляд светлых глаз перепрыгивал с одного каменного ангела на другого, с одного пожелтевшего дерева на другое. Она прикрыла глаза, пытаясь собраться. В ушах стоял звон, заставляющий ее голову склониться. Ей нужно успокоиться.

Дождь прекратился, и Оливия подняла глаза к черному небу зонта. На ее плечи накинули пальто.

– Оливия, хватит, – она услышала за спиной уверенный голос Конарда, когда он набросил ей на плечи тяжелое пальто. Она обернулась, посмотрела на него, но мыслями находилась где-то далеко отсюда. – Нам еще нужно ехать на прощальный вечер. Сможешь потерпеть еще немного?

Оливия без слов забрала зонт из его рук и двинулась в сторону машины. Единственное, чему она научилась в этой жизни, – так это терпеть невзгоды и идти к своей цели. Осталась последняя ступенька – и она будет предоставлена самой себе. Благо, Конард обо всем позаботился, и ей не нужно уже делать ничего, кроме как появиться на прощальном ужине и услышать примерно миллион сочувствий. Земля хлюпала под ногами. В пальто и с зонтом над головой ей стало намного теплее, и мысли спокойно потекли в нужном русле, заставляя ее тело не бездумно двигаться вперед. Она опустила

глаза на часы и заметила, что они остановились. Когда это случилось? Похороны незаметно для нее затянулись на пару часов? Серые облака затянули небо, и определить, который час, она так и не смогла, но сгущающаяся тьма намекала, что пора уходить. И она пошла. Не совсем уверенной походкой, но зонт и пальто скрывали ее слабость. Черный «Камаро» ждал ее с включенными фарами и открытой дверью, словно монстр с открытой пастью. И вновь по привычке она, не раздумывая, залезла внутрь. Ее встретили стаканчик с кофе, плед и сидение с подогревом.

Она рассталась со своими друзьями – зонтом и пальто, оставив их на подъездной дорожке.

– Месье Легран попросил купить вам кофе и что-то перекусить, – водитель вглядывался в силуэт Оливии на заднем сидении. – Если вы вдруг изъявите желание, скажите или махните рукой. Может, хотите куда-нибудь заехать перед прощальным ужином? Домой? Переодеться и принять душ? Никто не удивится, если вы опоздаете, мадемуазель Корон.

– Нет, поехали сразу на ужин, – она всматривалась в зеркало заднего вида, изучая и пытаясь понять, чем вызвана обеспокоенность водителя: тем, что Конард ему хорошо заплатил, или же это искреннее сочувствие. – Я готова.

– Я поеду объездной дорогой, чтобы ваша одежда высохла, мадемуазель Корон.

Водитель переключил свое внимание на дорогу, поэто-

му мог только спиной почувствовать испепеляющий взгляд Оливии. Какой настырный... проигнорировал ее желание казаться всесильной и дал столь необходимую передышку. Раздражение разрядами тока побежало по позвоночнику, побуждая бросить пару колких фраз, однако усталость все же заставила прикусить язык. Оливия отвернулась к окну, чтобы отвлечься, глядя сначала на кресты, а потом на Париж.

Город уже успел ей наскучить. За последние десять лет самое крупное изменение, произошедшее в нем, – демонтаж Эйфелевой башни. Парижане добились своего, и вместо неуклюжего памятника теперь появилось еще одно поле. После открытия клиники Оливия не появлялась в центре Парижа почти полгода. Деловые бумаги и сложные пациенты сожрали все ее время. Какая разница, в каком городе твоя квартира, если ты все равно не выходишь за ее пределы? Доставка и деньги заменили ей реальный мир. Пациентов она принимала в клинике, а старых друзей, например, Конарда, у себя дома.

Оливия поежилась. На открытие собственной клиники их вдохновил Отис, а Конард дал денег. Несмотря на многолетнюю дружбу, доктор Корон взял кредит в банке Легранов по условиям для обычных клиентов. Оливия совершенно не волновалась за его погашение. Дела шли так хорошо, что и не верилось. Они качественно отбирали врачей, а уж про опыт и известность ее отца говорить не приходилось. Она носила фамилию одного из самых талантливых психиатров.

Она случайно заметила, что водитель, выполняя обещание, поехал по окружной. Это даст ей всего минут тридцать побыть наедине с мыслями. Она потеряла отца в результате страшного ДТП. Его пришлось хоронить в закрытом гробу. После крупной ссоры они не виделись почти пять дней и вот встретились на опознании, где лишь ДНК напоминало об их родстве. Теперь она стала единоличным держателем их семейного бизнеса. Она так ни разу и не заплакала после его смерти. Все плакали. Даже Конард обливался горячими слезами, а его родная дочь... успокаивала его, будто ее не коснулась трагедия. Оливия навсегда запомнит полный тревоги взгляд Отиса.

О чем вообще речь? Она пришла в блестящем платье на похороны.

И как бы водитель ни старался замедлить ее появление на прощальном ужине, ему все же пришлось спустя полчаса припарковаться у ресторана.

Автомобиль заглох, и они погрузились в неуютную тишину. Темнота сковала салон машины. Снег с дождем превратился в ливень. Оливия поерзала на месте, жалея об оставленном на кладбище зонте. То, с какой легкостью Отис привязывался к вещам, называя их друзьями, раньше забавляло ее... Стоило и ей чему-то поучиться у него. Зонт бы ей сейчас пригодился.

Она закусила губу и глубоко вздохнула. Сейчас ей вновь предстоит играть роль сильной и ни о чем не беспокоящейся

девушки на глазах у семидесяти гостей. Благо, Конард не делал общего стола, и ей не придется снова толкать речь. Она посмотрела на себя в отражении окна. За те несколько лет, которые прошли с ее выпуска, она ничуть не изменилась. Единственное – стала носить очки, когда сидела за компьютером или документами. Идеальная кожа, идеальный макияж, идеальные волосы и фигура, кто-то путал ее с моделью, кто-то в шутку называл дьяволом. Ее пристальный взгляд с легкостью пробирался в самые темные тайны пациентов и выводил их разум к свету.

Оливия провела рукой по волосам, по лицу... Ее указательный палец коснулся губы и очертил контур, кисть опустилась к горлу и несильно его сжала. Она цепляла на себя последнюю маску. Ей надо, нет, ей жизненно необходимо отыграть сегодня на все сто. Никто не должен узнать, что она *действительно* чувствует. Оливия дала себе еще три секунды и прикрыла глаза, чтобы собраться. Стоило векам раскрыться, как на ее лице появилась счастливая улыбка. По крайней мере, ей показалось, что она создает такое впечатление. Только водитель заметил, что улыбка-то вовсе не счастливая; на лице Оливии расцвело бессильное безумие. Он порывался что-то сказать, предложить свой зонт или напомнить об уже остывшем кофе, но испугался. С ужасом глядя на широкую улыбку, горящие от злости глаза, водитель отпустил Оливию Корон восвояси. Не прощаясь, не оборачиваясь, она открыла дверь, и тишину салона нарушил шум до-

жды. Хлюпая туфлями, она вышла из салона. Громкий хлопок двери вывел водителя из транса. Он продолжал наблюдать за Оливией, которая шла под дождем, будто прогуливалась по Марсовым полям летом, – беззаботно и гордо.

– Ей срочно нужна помощь. Таких... таких глаз я никогда не видел, – водитель говорил сам с собой, не в силах сдерживать ни мысли, ни эмоции. – Надеюсь, у нее есть тот, кто поможет.

Стена из ливня скрывала Оливию, которая остановилась около двери ресторана и посмотрела на машину.

Помещение встретило ее теплом и запахом лаванды. Перед главным залом в небольшом квадратном коридоре стояла вешалка, к ней подошел официант с полотенцем. Конард не изменял себе и своему уму. Она не здоровалась, с ней не здоровались – замечательно. Оливия взяла два полотенца: одно набросила на плечи, другое на голову. Официант жестом позвал следовать за собой в уборную. Ей нужно привести себя в порядок, и раз она смогла натянуть на себя улыбку – значит, и волосы приведет в порядок с помощью сушилки для рук.

В туалете Конард заботливо оставил черное платье, ленту для волос и новую пару туфель. Оливия закатила глаза и проигнорировала это ненавязчивое предложение друга переодеться. Она лишь засунула голову под кран и включила ледяную воду, а затем принялась настраивать температуру. Гель для рук сгодился в качестве шампуня, а расческа

еле управилась с ее густой копной волос. Косметика, также предоставленная Конардом, помогла исправить кошмар на ее лице. Не стесняясь, она промыла свои туфли на платформе в раковине, смывая с них грязь. Жаль, нельзя содрать с себя кожу и хорошенько так промыть под кипятком.

И вот за тридцать минут Оливия снова превратила себя в девушку «вечный праздник». Перед выходом она сделала высокий тугой хвост, выпрямила спину и в очередной раз улыбнулась.

– *Твой выход, Оли...*

Оливия зашла в зал и снова поймала взгляды всех присутствующих. Где-то напряженно выдохнул Конард. Его попытка загнать ее в рамки приличия и традиций потерпели крах *снова*. Оливия надела маску скорбящего человека и начала по очереди подходить к гостям. Странно, но она помнила почти всех, если не поименно, то в лицо точно. Разговоры с гостями немного отвлекли ее, и она пошла в сторону стола с закусками. Пора поесть в первый раз за три дня, иначе она упадет в обморок, и тогда уж точно не удастся избежать настырной заботы Конарда.

Она взглянула на часы, осталось продержаться час и обойти пару тысяч человек, и все закончится. В голове крутилась одна мантра: «Еще минута, Оли, еще одна».

Оливия мерцала блестящей бабочкой в зале, время от времени перехватывая официанта. Пока она строила из себя непонятно кого, за ней наблюдали две пары глаз: голубые и

зеленые.

– Я тебе говорю, у нее окончательно поехала крыша, Конард, – Отис снял дольку яблока с канапе и засунул в рот. – Я тебе говорил, что она какая-то не такая, еще до смерти доктора Корона. А сейчас она пришла в коктейльном платье и светится ярче диско-шара! Если мы ничего не сделаем, она станет пациентом собственной клиники!

– Что мы можем сделать? Ты знаешь, какая она упрямая?! Я сотню раз ей предлагал помощь, – Конард фыркнул. – Если я надавлю, то ничего, кроме удара по переносице, мне не светит. Оливия точно чокнутая. Я рад, что она хотя бы поела немного, – праведный гнев сменился беспокойством. – Мне тоже страшно за нее, но нам нужно выждать момент, когда она совсем ослабнет, и связать. Связанная, она не сможет противиться нашей помощи.

– Я не удивлюсь, если у нее в резюме написано «помощница Гудини»! Надолго ее веревки не удержат, – Отис выдохнул, продолжая снимать фрукты с канапе. – Надо что-то делать. Поговорить. Нечестно, что она спокойно влезает не в свои дела, а стоит кому-то приблизиться – прячется в свою *раковину* и выставляет шипы в разные стороны, – Отис напряженно бросил остатки канапе на тарелку. – Предлагаю подкараулить ее дома.

– У нее четыре квартиры, Отис... – Конард невозмутимо наблюдал за ним. – И я уверен, есть еще одна. Настоящее гнездо, куда она прилетает почистить свои цветные перья, –

Конард поставил свою тарелку на стол. – Меня смущает другое... Ее слова по поводу автокатастрофы, в которую попал отец. Не сработали тормоза? Он же действительно заезжал в автомастерскую на днях, и, давайте честно, машина, которую я ему подарил, идеальная. Я практически уверен, что для таких машин не существует пункта «неисправные тормоза».

– Что ты хочешь сказать? Надеюсь, это будет не еще один бессмысленный иск, Конард? Суд против компании зубных щеток отнял сто тысяч евро и подарил новую электрическую щетку, – Отис, несмотря на свое недовольство, наблюдал за Оливией. – Поверить не могу: она блесит, как яйцо Фаберже на солнце...

– На упаковке написали: «Тысяча использований». Я почистил зубы семьсот раз, и она сломалась. Не стоило девушке-консультанту мне хамить, не стоило, – Конард покачал головой. – Я не верю, что тормоза могли отказать на почти новой машине после полной проверки у мастеров.

– Полиция сделала однозначное заключение, Конард. Хватит плодить сущности там, где их нет. Не выдумывай, – Отис прикрыл глаза и продолжил говорить. – От ее ослепительного блеска режет глаза. Вот так и заканчивается жизнь человека. Раз – и тебя не стало. Утром ты садишься в машину, чтобы отправиться на работу, а потом «пересаживаешься» в скорую помощь без мигалок. Мне будет не хватать доктора Корона. Однажды он помог моей маме и тебе, Конард... с твоим отцом.

– Этот путь был длинным... – Конард закусил губу. – Я даже не знаю, есть ли у нее кто еще из родственников...

– Боюсь, нет, кроме нас – ее друзей, у Оливии нет близких, – Отис поджал губы и открыл глаза. – Ты сможешь как-нибудь подговорить служащих или гостей побыстрее собираться? Мне кажется, еще пара минут, и Оливия станет новым маньяком, который насаживает глаза гостей на зубочистки.

– Я всегда могу дернуть за пожарный кран, и прощальный вечер закончится, – Конард пожал плечами. – Штраф за ложный вызов мизерный.

– Да, придумай что-то такое... – Отис кивнул ему куда-то в сторону. – А я пока пойду проверю, не собирается ли она повеситься сегодня.

– Заканчивай со своим похоронным юмором, Отис, мы, черт возьми, приехали с кладбища. Не хватало, чтобы Оливия переключилась с себя на тебя, – Конард дернул головой в сторону подруги и пошел к управляющему. – Следи за тем, чтобы она не сделала канapé из твоих глаз, – бросил он напоследок другу.

– У меня преимущество, я в удобной обуви! Сбегу! – усмехнулся Отис, но быстро сдулся, когда остался один. Опустошение – это то, что он чувствовал последние несколько дней. И никто не мог заполнить эту бездну.

Отис аккуратно подошел к подруге и коснулся ее плеча, пытаясь отвлечь от разговора с мужчиной, которого она, ве-

роятно, видела первый и последний раз в жизни.

— Оливия, слушай, может, домой? — Отис аккуратно перехватил ее за запястье и попытался отвести в сторону, но она уперлась и не сдвинулась с места. — Оливия, прошу тебя, давай поговорим не в центре зала, — он старался подавить ее протест в зародыше. Скандальная сцена им сейчас точно не нужна. — Это не цирк. Это — похороны.

— В смысле? Чьи?

Приглушенные разговоры вокруг окончательно стихли. Все уставились на них, будто в холл ворвался динозавр. Отис ошарашенно захлопал глазами, не в силах произнести и слова. Он знал, что Оливия не забыла.

Однако в ее тоне даже не было намек на сарказм. Так обычно спрашивают дорогу. И все же Отис слишком хорошо ее знал, чтобы обмануться. Оливия без преуменьшения самая свободолюбивая и настырная девушка на Земле, которую он знал, и последнее, в чем она сейчас нуждалась, — это в советах. Она просто защищалась, а Отис оказался пристыжен всеобщим вниманием. В отличие от подруги, он не любил, когда в него тыкают пальцем и шепчутся за спиной. Ситуация стала выходить из-под контроля, но, как только Отис захотел дать деру, раздалась пожарная тревога, и люди, подавшись панике, побежали на выход. Конард, действительно, придурок с бедной фантазией. Но лучше уж так, чем продолжать краснеть. Руки Оливии опустились по швам, плечи сгорбились. Отис отступил на шаг ближе к пожарной сигнала-

лизации.

– Ну почему всем так важно, что со мной и как я себя чувствую? Вопросы, вопросы, вопросы и тонна, тонна сожалений! Да, я знаю, мой отец умер. Знаю я! Я видела остатки тела. Он врезался на высокой скорости в бетонную стену и превратился в фарш, – щеки Оливии покраснели. – Мне хочется, чтобы это действительно побыстрее закончилось. Я хочу домой, но это шоу должно продолжаться до восьми вечера, судя по расписанию. Хочется мне или нет, но я буду играть роль скорбящей дочери. Поэтому, сколько бы ты или кто-то еще ни повторил, что пора домой или отдохнуть, я не двинусь с места.

– Но, Оливия, это безумие.

– Нет, мой дорогой, – она облизнула губы. – Я останусь тут до тех пор, пока не стукнет восемь часов вечера, будут здесь гости или не будут. Мне плевать, по какой причине Конард включил пожарную сигнализацию! Даже если пожар охватит это здание, я останусь здесь. Вам ясно? И единственное, что я прошу вас сделать, – это отвалить.

– Оливия у тебя истерика... Ты что, сама не понимаешь? – Конард присоединился к беседе. – Не заставляй меня вызывать охрану. Посмотри на себя! Ты стоишь на похоронах отца в коктейльном платье, накрашенная, словно танцовщица из бара, и утверждаешь, что скорее сгоришь в пожаре, чем покинешь здание! У тебя истерика, – повторил Конард. – Мы не хотим заставлять тебя плакать, убиваться или что там еще

положено делать человеку, потерявшему отца. Мы хотим от-
править тебя домой.

– А может, я не хочу возвращаться в эту чертову кварти-
ру?! Не думал об этом, а? – она всплеснула руками, задев бо-
кал с вином на столе, который с оглушительным звуком раз-
бился о деревянный пол. Красное пятно поползло по доро-
гому ковру, вызывая у Конарда оцепенение. Слишком мно-
го неприятных воспоминаний. – Ты мне вообще ничего го-
ворить не имеешь права. Никто из вас! Ни ты, ни Отис, ни
Джеймс со своей сотой девушкой, ни Рин, – она сжала челю-
сти. – Даже мой отец не имел права мне что-то говорить. Вы!
Никто из вас ничего не понимает! А я просила от вас одного!
Понимания. Черт! – она посмотрела на часы и вспомнила,
что они остановились. – Эти восемь часов никогда не насту-
пят. Ненавижу, мать вашу! – Оливия сняла часы, сломав за-
мок на ремешке, и запустила их в стену. – Спасибо за ужин,
Конард! Прощальный ужин!

– Оливия! – закричал и дернулся в ее направлении Ко-
нард.

– Прощай, Конард! Прощай!

Она с силой пнула стул и дернула за скатерть, превращая
изысканную композицию в настоящий хаос. Еда, напитки
– все перемешалось. Оливия знала: завтра она пожалеет об
этом и будет просить прощения за свое поведение, но сейчас
ее накрыла волна гнева. Она уже не в силах его сдерживать.
Помимо отвратного желания всех и каждого напомнить ей

о смерти отца, каждый норовил *помочь*. Ее глаза заматались в поисках часов на стене. Без пяти восемь. Она не продержалась пяти минут, но здание покинет ни минутой позже. В окнах вспыхнули мигалки пожарных машин, и через минуту здесь будет наряд спасателей. Отис дернулся, чтобы коснуться Оливии, но его руку перехватил Конард и покачал головой. Лучше оставить все как есть.

В дверях появился пожарный наряд, перед которым пришлось извиняться Конарду и, вероятно, вратъ. Благо, после пяти лет в бизнесе он это научился делать безукоризненно. А Оливия все не сводила глаз с минутной стрелки. Потом она пересеклась взглядом с Отисом и покачала головой, безмолвно упрямивая оставить ее в покое хотя бы на несколько дней. И стоило секундной стрелке замереть на мгновение на восьми часах, виновница беспорядка тут же сорвалась на улицу.

– Оливия, стой! Ты куда? – бросился за ней Отис, но Конард вновь остановил его. – Ну чего? Она побежала под ливень в одном коротком платье! Она заболеет! Отсюда до первой станции метро полчаса езды!

– Водитель, которого я нанял, ждет ее и уже предупрежден об ее крайне агрессивном настрое, – он выдохнул. – Мне нужно обсудить ложный вызов, Отис. Денек закончился ужасно. Смерть доктора Корона, сама не своя Оливия и, как итог, красивое завершение в виде орущей пожарной сигнализации. Годы идут, а проблем меньше не становится, –

Конард почесал затылок. — Я думал, мои попытки восстановить отношения с отцом — испытание, но жизнь, как всегда, густо засаживает путь колючками. Поговоришь с работниками? Нужно оплатить погром.

— Хорошо, иди, я попробую дозваться кого-нибудь и наберу маме, — Отис не сводил взгляда с двери. — Это ужасно. Что между ними произошло? Что произошло в голове Оливии? — Конард уже не слышал этих вопросов. — И куда же ты направилась?

Оливия решила воспользоваться остатками логики и не идти до Парижа пять часов по ливню, а сесть в мигающий фарами автомобиль. В этот раз водитель не стал трогать ее, и она сразу поняла, чьих это рук дело.

За последние несколько дней она натворила дел, и ей понадобится минимум неделя для отдыха в своей квартире на окраине восемнадцатого округа. О ней никто не знал. Она купила ее несколько лет назад и почти не заходила туда. Только в трудные периоды жизни забивалась, как мышь в норку, и не показывала нос. Ее метод восстановления был стар как мир: марафон сериалов, которые она обожала в подростковом возрасте, и тонна чипсов с мороженым. Она со стыдом признавала, что раковина страхов срослась с ее кожей и оторвать броню, вероятно, уже невозможно. Оливия и сама не знала, есть ли какой-либо вариант покинуть уютный дом. Впервые за столько лет она ощутила ее тяжесть на своих плечах.

– Мадемуазель, мы приехали, – подал голос водитель, не смотря в зеркало заднего вида. – Смею предположить, вам нужна кружка горячего чая, теплый плед и сорок восемь часов сна, – от забавного набора Оливия даже улыбнулась.

– Тогда сразу ванна чая, – она схватила за ручку. – Спасибо.

– Вам не за что меня благодарить, мисс, я водитель, и моя работа – доставить вас куда скажете, – он ответил на ее улыбку, которую разглядел в зеркале заднего вида. – Я не буду говорить банальности. Вы их сегодня наслушались вдоволь. Но прошу, позаботьтесь о себе... Хорошо? Вы заслуживаете спокойствия и счастья.

– Правильно говорят: таксисты – особый тип людей, – она открыла дверь, не глядя на мужчину. – Одно путешествие – много опыта. Я заварю себе чай. Счастливой дороги, – она не сдержалась и развернулась к нему. – Осторожнее на дороге... Знакомство со мной приносит неудачу в пути. Прощайте.

Оливия вышла из машины и поняла, что дождь кончился и стало теплее. И все же она не стала задерживаться на проезжей части и пошла в дом. Смотрительница без слов протянула ей ключ.

Со стороны могло показаться, что Оливия – проститутка, вернувшаяся домой после «рабочего» дня, однако ее в этом доме хорошо знали все. Но хорошо, что ни Отис, ни Конард не знали, что она живет в этом доме. Оливия специально ис-

кала квартиру на отшибе, в одном из не очень благоприятных районов. Вряд ли хоть кто-то подумал бы, что Оливия, так обожающая комфорт, выберет подобный дом.

Возможно, только Отис не удивился бы, узнай он о нем. Он и сегодня один-единственный не поверил в ее маскарад...

Оливия усмехнулась и воткнула ключ в хлипкую деревянную дверь. При желании ее можно проломить двумя хорошими ударами ноги или ломом. Благо, Оливия не поленилась установить сигнализацию и видеокамеру. Грабители не успеют сделать и двух шагов, как вслед за ними забегут полицейские.

Дверь противно заскрипела, открываясь.

– Я дома!

И в ответ тишина. Даже отец не знал об этой маленькой однокомнатной квартире. Она смогла заработать себе на огромный лофт в седьмом округе Парижа. Большую часть времени она проводила *там* в окружении роскоши и бессмысленных покупок с барахолок. Сотни человек праздновали *там* дни рождения, юбилеи и другие знаменательные даты. Здесь же, в квартире, скорее напоминающей чулан, стояли односпальная кровать с тонким матрасом, тумбочка, стол без стула и висела картина. Неприкрытые голые стены, минимум вещей, тусклая настольная лампа. Это место лучше отражало душу самой Оливии, чем пафосная квартира, заставленная дорогим барахлом.

Она ловко расстегнула платье, блаженно выдыхая, и сбросила каблуки.

И вот она очутилась там, куда рвалась последние несколько дней, но никакого удовлетворения не испытала. Что могут сделать четыре стены? Еще больше вогнать в тоску. Оливия стянула резинку с волос и направилась в ванну. Тут свет горел ярче. На зеркале были приклеены две желтые рыбки. Несуразно и бессмысленно. Зачем она вообще это сделала?

— Ну вот и что, Оливия? — она села на край небольшой ванны. — Тебе тридцать три, и чего же ты хочешь? Славы? Всеобщего признания? Любви? Понять себя? Нет, дурочка, ты хочешь сигарет и тишины, — она ловко достала из тумбочки припрятанную пачку «Мальборо» и зажигалку. Дым потянулся тонким языком к тусклой лампочке, облизывая потрескавшийся кафель, словно верная собака, которая тянется к хозяину, желая залечить его раны и облегчить душевные муки. — Если все мои желания — это сигареты и тишина, то я достигла предела мечтаний... Тридцать три года. Чего ты хотела добиться к тридцати трем годам? Вылечить мир? Помочь всем и вся? Дура ты тупая.

Она выкурила сигарету и затушила ее о раковину. Захотелось наконец-то избавиться от проклятого платья, которое обругала каждая собака в городе. Она залезла в ванну, встала и начала снимать одежду, стараясь избавиться от нее как можно быстрее. Блестящая тряпка полетела под ноги. Оливия достала из тумбочки перекись водорода и облила свои

волосы. Там же нашлась жидкость для снятия лака. Выкрутив кран с горячей водой почти до кипятка, она принялась смывать с себя боевой раскрас. Фиолетовые, розовые, зеленые и красные разводы смешивались и утекали в слив единой темной массой. Яркие пряди потускнели, кожа покраснела. Она заткнула пяткой слив и легла, упираясь лопатками в холодный кафель. Оливия вывернула кран, и шум воды прекратился. Она посмотрела на клубы пара и свои красные руки, коснулась глаз и губ. Обессиленная, Оливия подтянула ноги к себе и положила голову на колени.

– Если сейчас произойдет утечка газа и дом рванет, я не успею даже испугаться, – она начала качаться вперед-назад. – Если треснет несущая стена, меня завалит, и я, к сожалению, успею испугаться, – она прикрыла глаза. – Все может решить поганый случай. Так где ты есть сейчас? Разнеси все здесь, уничтожь.

Она запустила руку себе в волосы и застонала.

– Всех спасла, всех уберегла, всем помогла, – начала бормотать Оливия. – Все счастливы, все замужем или женились, у кого-то дети, деньги, бизнес и признание, – уже громче продолжила она. – У них есть чертов смысл жизни! Так какого черта у меня его нет?! Что?! Зачем мне просыпаться завтра? В какой цвет выкрасить свое лицо? *Какой дурочкой прикинуться на этот раз?* Как мне убедить саму себя, что все в порядке? – она с силой потянула себя за волосы, пытаясь отрезвить болью. – Ненавижу. Всех ненавижу, *его* нена-

вижу и себя, себя ненавижу больше всего. Ты слаба. Ты делаешь недостаточно. Надо лучше стараться, Оли! Нужно быть идеальной!

Она легла в ванне и обхватила руками голову.

– Всех спасла... а себя спасти не смогла... себя не смогла, мам...

Птица, покинувшая клетку

– Месье Конард, на проводе ваш отец, просит назначить встречу, – секретарша влетела в кабинет с кипой бумаг и застала Конарда висящим сразу на двух телефонах. – Он говорит, дело неотложное и касается демпинга в компании «Эволюция». Просит ответить, как появится возможность.

– Нет, Крисс, мы не будем продавать себе в убыток, тебе ясно?! – Конард заорал в одну трубку на своего заместителя, а потом, приложив ухо к другой, изменил тон на ласковый. – Да, я зайду по дороге домой в супермаркет! – затем вновь вернулся к разговору со своим заместителем. – Нет, я лучше сам начну жрать эти конфеты, чем они получают такую скидку на закупку! – закатив глаза, Конард вновь сменил трубку. – Что? В смысле ору? Я не ору на тебя, я ору на Крисса! – Конард замолчал, слушая. – Нет уж, так вот я разговариваю с подчиненными! Я плачу им деньги, которые да-

же «НАСА» не платит своим космонавтам. Если я хочу орать на них и сдирать три шкуры... – зарывчав, Конард сменил телефон. – Крисс, если сейчас не угомонишься, то не только ты окажешься на улице, но и я! А ну перестал спорить и пошел договариваться.

– Месье, третий телефон зазвонил! – секретарша подбежала к столу. – Это месье Рамирос с деловым предложением.

– Сандра, у меня два уха и всего лишь один язык! Боже мой, да пусть он уже замолкнет со своим предложением по приготовлению чуррос, иначе я сдам его в психушку! Пристал ко мне, как маньяк, со своим сладким тестом! Как же мне все надоели, – конард замолчал, а затем сказал во вторую трубку. – Нет, ты не в счет, – а уже через мгновение закричал в первую. – А ты, Крисс, достал! – и сбросил звонок. – Сандра, умоляю, скажи мексиканскому барону с чуррос – все решим после шести вечера!

– А...

– А мой отец подождет. Одному из самых успешных бизнесменов в мире не составит труда решить эту проблему самостоятельно! Для человека, который привык делать все сам, он требует чересчур много внимания! Да меня просто одолели страждущие внимания! – Конард расслабил галстук на шее. – Сил моих нет! Достали!

– Месье Легран, не хочу влезать в вашу личную жизнь, но вы завершили не все звонки... остался тот самый, – Сандра указала на трубку и закусила губу. – Закажу-ка я вам букет

на вечер.

– Черт, господи боже мой! Алло?! – Конард закричал в трубку. – Алло! – он выдохнул и откинулся на кресле. – Сандра, неси пистолет! Но сначала застрели мексиканца! Я передам тебе десять процентов акций. Прекрасно! Теперь из-за Крисса и сладкого теста меня ждет неловкий ужин и гостевой диван! Черт. А мне даже пожаловаться некому!

– Прямо сейчас вы жалуетесь мне, – Сандра улыбнулась. – В любом случае у нас запланирована встреча завтра с мадам Мишель и компанией «Рассвет». А в конце недели...

Услышав последнюю фразу, Конард схватился за голову и застонал.

– Да, месье Легран! Вам необходимо хоть когда-то быть взрослым тридцатитрехлетним мужчиной, а чтобы увеличить эффективность вашего пребывания в офисе, необходимо убрать игровую приставку, – она положила документы на его стол. – В конце недели у вас встреча с месье Малькольмом.

– «Мистером Малькольмом»... Эта кладезь сарказма просит называть его мистером Малькольмом! – Конард потер виски и размял шею. – После того, как он поступил в университет в Штатах и прожил там добрую половину жизни, он предпочитает, чтобы все звали его именно так! Меня ожидает очередная трехчасовая лекция на тему того, что гены Легранов взяли верх и я зря не остался в науке.

– А почему он вернулся в Париж? – Сандра наклонила

голову, глядя в лицо Конарда. – Раз он такой умный и успешный профессор?

– Рассказывал, что не сработался с Рексом! – Конард всплеснул руками и повернулся на стуле к окну. – И нет, это не тираннозавр рекс, это фамилия его бывшего начальника – директора университета. Мой дядя умный, но чертовски упрямый!

– Как и вы... – прошептала Сандра.

– Что? – переспросил Конард.

– К вам еще один посетитель, месье Легран, – Сандра кивнула в сторону двери. – В приемной вас ожидают уже полтора часа.

Конард захлопал от удивления глазами и развел руки в стороны.

– Посетитель пришел без записи. У вас шли переговоры по зуму, поэтому я предложила подождать. Каков план работы?

– Не знаю, Сандра. Сегодня все хотят моей крови и внимания, – он раздраженно покрутился на стуле. – Смотря кто посетитель, – Конард бросил взгляд в окно. – Сегодня впечатляюще сильный снегопад. Он всегда навевает мне приятные воспоминания... Середина декабря, а метет так, будто январь. С нынешней экологической ситуацией в мире – уникальное явление.

– Предлагаю вам самостоятельно решить, что делать с посетителем, – Сандра улыбнулась. – Могу пообещать, что это

точно не мексиканец с чуррос, – она сверилась с часами. – У вас в графике есть свободные полтора часа с учетом обеда. А потом вас ждут дела, месье Легран.

– Хорошо, пусть заходит, постараюсь быстро разделаться и поиграть в видеоигры, – Конард размял плечи руками. – Черт. Мне нужен массажист или три часа в бассейне. Старость уже ждет меня за углом. Спина сыплется. Допрыгался в университете. Сандра, закажи мне пиццу и пригласи гостя.

Секретарша кивнула и вышла из кабинета. До Конарда долетело ее тихое:

– Можете входить, он ждет вас...

Когда гость вошел в кабинет, Конард смотрел в окно на падающий снег, с улыбкой вспоминая годы, проведенные в университете, а потом произнес:

– Прошу вас, давайте сразу приступим к делу. У нас есть только пять минут... – он развернулся и посмотрел на посетителя.

– Еле добралась сюда. Снегопад такой же сильный, как тогда. Париж просто занесло! Пробки по всему городу. Жаль, что мы еще не можем управлять погодой. Мне не нужно целых пять минут, Конард, мне достаточно и нескольких секунд!

– Ах ты, мелкая зараза! – Конард взревел на весь офис и так сильно прокрутился на стуле, что чуть не упал. Он подскочил и зарычал в свой автоответчик. – Сандра, в ближайшие два часа я умер для всех, попал в Бермудский тре-

угольник, меня сожрала Годзилла! Придумывай что угодно! У меня исключительный гость! – Конард орал не своим голосом. – Оливия, тебе конец, ей-богу! Если у тебя нет вразумительного объяснения, готовься полететь с тридцать третьего этажа моего офиса! Мы... – он оторвал голову от автоответчика и застыл с открытым ртом, краем уха слушая ответ Сандры.

– Я всем скажу, что у вас инсульт, так что вы будете свободны пару часов. С прессой потом разберемся, – бросила она и отключилась.

Перед ним стояла Оливия. Последний раз они виделись полтора месяца назад, после чего она исчезла со всех радаров, перед этим свалив работу в клинике на заместителя. Конард заметил, что она изменилась: подравнила кончики волос, краска на прядях потускнела; макияж, хоть и яркий, но уже не кричащий, не привлекал особого внимания. Никаких перьев, страз и лент – Оливия надела обычную белую футболку и синие джинсы, а туфли на высоченных каблуках сменила на кроссовки. Если бы Конард случайно увидел ее на улице, то никогда бы не узнал. Ее глаза все еще блестели, но все же не таким ярким огнем. Эту Оливию он боялся больше, чем ту, что привезла ему двух ручных павлинов на тридцатилетие. Конард попросту не верил своим глазам. Кто наложил на нее черно-белый фильтр?

– Только не надо говорить, что ты смертельно больна и твой внешний вид – это результат принятия неизбежной кон-

чины! – Конард упал в кресло. – Еще немного, и заголовки о моем инсульте станут правдой. Потрудись объяснить, – он махнул на нее рукой, – вот это! Вот этот твой вид!

– Какой вид? Это просто белая футболка и джинсы, Конард. Я не обернула себя в листья баобаба или овечью шкуру, – она пожала плечами. – Я хочу кофе.

– Вот именно! Простая белая футболка?! Давай колись, ее сплели пауки? Ты отняла ее у какой-то рок-звезды? Она напечатана на принтере? Это вообще не футболка, а краска на твоем теле?! – Конард прищурился. – Ты выглядишь как нормальный человек. Нет ничего такого, что заставило бы меня обреченно вздыхать и закатывать глаза. Оливия, я пропустил очередной конец света по календарю майя? Какой кофе хочешь? Сандра может сварить любой.

– Черный.

Конард нажал на кнопку вызова на телефоне:

– Сандра, принеси нам две чашки белого кофе, пожалуйста! – он посмотрел на Оливию. – Оливия, не беси меня, я и так хожу к кардиологу каждый месяц! Можешь назвать, какой кофе сварить?

Но Оливия оставила вопрос без ответа.

– Ой, ну тебя. Сандра, принеси нам два американо, мне без кофеина. И таблетку успокоительного, – он в сотый раз за сегодня покрутился на кресле. – Я так долго не протяну.

– Удивительно, я просто появилась, а все равно вызываю бурю эмоций. Это ли не искусство безумия, а, Конард? – она

улыбнулась и села на стул около стола. — Я думала, мы пройдемся под снегопадом. Это так красиво.

— Там холодно, я никуда не пойду, — он замотал головой. — Хочешь пощупать снега — выйди на балкон в соседнем кабинете и постой, я подожду, — Конард собрался. — Оливия... Ты пропала на полтора месяца. Мы волновались. Рин чуть не объявила тебя в розыск! Ее остановил Отис, который позвонил во все больницы и убедился, что ростовая фигура попугая не поступала к ним. Ты вообще как, что... что происходит, в конце концов?

— Для человека, который поступил точно так же, ты не слишком избирателен в своих словах, Конард, — она откинула волосы за плечо и с вызовом посмотрела на него. — Со мной ничего не случилось. Я жила в Париже все это время, просто в месте... о котором вы ничего не знаете. К сожалению, мне нужно подписать некие бумаги, поэтому я вылезла из убежища. Я в порядке, я жива.

— Быть живой — не всегда значит быть в порядке. Ясно тебе? Когда я спрашиваю тебя о самочувствии, как душевном, так и физическом, надо отвечать честно, — Конард шипел, как кот, которому наступили на хвост. — Мы действительно волновались, и вместо привычной версии тебя передо мной сидит человек в обычной белой футболке! Кому расскажи — не поверит. Давай по порядку... Ты голодная?

— Я... сыта... — она глубоко вздохнула. — Честно говоря, я сыта по горло, Конард, поэтому и пришла к тебе прямо в

офис. Нам нужно серьезно поговорить. Случилось нечто... В общем, хорошо, что ты сидишь, а Отиса тут нет.

– Ты пугаешь меня. С подобного начинаются проблемы. С таким же настроением ты и Отис пришли ко мне с идеей помирить меня с отцом и разобраться в детских воспоминаниях, – Конард поджал губы. – Знаешь... в воспоминаниях-то я разобрался, а вот что делать с кучей взрослых проблем – без понятия. Тогда мы все чуть не переругались, и я не хочу связываться в очередной спор. Не самое верное решение...

– Ну, во-первых, не превращай в клише мой внешний вид и свои проблемы, это никак не связано, – Оливия подняла вверх указательный палец. – Во-вторых, ты помирился с отцом, и я уже считаю это своей главной победой. Правда, развод твоих родителей сыграл в этом не последнюю роль! И в-третьих, это не касается тебя. Это *касалось* Отиса, и только его. Да и так давно, что мало кто вспомнит об этом. Его школу снесли два года назад, даже стены уже не помнят.

– Так, а тут поподробнее, что ты хочешь сказать? – воздвигнул руку где-то в легких Конарда, и он даже как-то пропихивал следующую фразу. – Какие проблемы могут быть в этом ключе? Мы давно с ними разобрались. Гордад снова в тюрьме, а Виолетт в твоей клинике, под надежным наблюдением и принимает лекарства.

– Наша... моя клиника – это тебе не лечебница Аркхем, уясни это наконец! Мы помещаем туда душевнобольных, чтобы стабилизировать и попытаться вылечить! В последний

раз тебе это говорю, в следующий дам в нос, ясно? – она закрыла глаза, пытаясь справиться с накатывающим гневом. – Виолетт... она больше не пациент нашей клиники.

– Что?! Это значит, ее выписали? У нее целый букет расстройств, и во главе их – шизофрения! – Конард ударил по столу и покосился на телефон. Кажется, его ждал неприятный звонок. – Оливия, черт возьми, я отказался следить за ней лично, понадеявшись на тебя.

– Вот так, Конард, больше «букета» нет, – Оливия покачала головой и кинула на него предупреждающий взгляд, когда он взял в руки телефон. – Ты пожалеешь о звонке. Дай мне договорить.

Ему пришлось подчиниться.

– Виолетт больше не пациент частной клиники «Корона», потому что в четыре утра десять минут двадцать третьего декабря ее нашли в палате мертвой. Вскрытие установило, что причиной смерти стал сердечный приступ.

– Что... Виолетт умерла? – лицо Конарда стало белым, словно снег за окном. – Прости, что наехал в начале... Я не подумал, что ты пришла по такому поводу.

– Поэтому я и сказала, что ты пожалеешь. Нужно уметь слушать, а еще и дослушивать собеседников, ты будто не знаешь... – она странно улыбнулась и посмотрела куда-то в сторону. – Смерть приходит не только к старикам... Из-за смерти отца я выпала на время из работы. Я появилась, только потому что узнала о смерти Виолетт.

– Странно, что выбраться из норы тебе помогла Виолетт, – Конард потупил взгляд и заговорил еле слышимым шепотом. – Может, сменим тему, раз, эм... уже все?

– Нет, мы не сменим тему, – Оливия вскинула подбородок. – За четыре дня до смерти Виолетт почувствовала себя лучше. Из записей лечащего доктора я узнала, что в последний день она осознавала, кто она, почему в клинике, сколько ей лет и... – Оливия резко замолчала, чтобы собраться с духом. – Часто бывает, что пациенты перед смертью вдруг чувствуют себя хорошо и даже думают, будто поправились. Такой подъем вызван так называемым последним «волевым» поступком организма. Не знаю, был ли это такой вот подъем или Виолетт действительно пошла на поправку, но умерла она оставаясь в своем уме.

– Ты хочешь, чтобы я испытал к ней сочувствие или простил? Это разговор вообще не ко мне, сама понимаешь. Отис призывает всех к прощению и разрешению конфликтов, однако, думаю, даже он не сможет простить ее, – Конард напругся. Весь разговор казался ему подозрительным, не покидало ощущение, что с ним играют.

– Никто не просит прощения, – она сначала немного сгорбилась, а потом откинулась на кресле. – Лечащий врач также записал, что она осознала, что натворила в старшей школе. Ту ночь Виолетт описала до пугающих мелочей, – Оливия говорила тихо. В пустом кабинете, в полумраке ее слова звучали зловеще. – Скорее всего, инфаркт случился на фоне пе-

реживаний. В последние годы ей становилось хуже не только в психологическом смысле, но и в физическом. На момент смерти Виолетт весила сорок килограммов при росте в сто шестьдесят пять сантиметров. Ее организм не справился с эмоциональными переживаниями. В каком-то смысле ее душевная болезнь стала для нее крепостью, раковиной. Находясь в ней, она не помнила, что натворила в прошлом. И вот стоило ее защитным *стенам рухнуть*, как сломалась и она сама.

– Ты хочешь сказать, что она умерла от осознания правды? Ей что... стало жаль Отиса? – Конард говорил неуверенным тоном, не веря даже себе. От объяснений Оливии он, как и всегда, пребывал в шоке. – Даже не знаю, кто ему должен рассказать. Столько лет прошло... В последний раз разговор об их семейке заходил года три назад, а то и больше. Стоит ли беречь старые раны...

– Мне жаль ее, на самом деле, – Оливия наклонила голову, и несколько выбившихся прядей накрыли ее лицо тенью. – Когда работаешь психиатром одиннадцать лет, начинаешь относиться к ним как к объектам исследования. Приходишь, слушаешь, ставишь предварительный диагноз, потом окончательный, лечишь или пытаешься лечить. Но в случае с Виолетт... зная ее историю... не могу просто взять и выкинуть из головы. Это же жизнь. Жизнь! И огромную ее часть она провела в четырех стенах. Конард, Виолетт сожалела обо всем.

– Чувствую, сегодня я за работу не сяду, – он посмотрел на телефон, а потом перевел взгляд на окно. – Говорят, что шторм приносит свободу, он обновляет мир, вырывая все старое с корнем. А у меня в жизни все наоборот. Каждый раз, как Париж по колено в снегу, у меня по горло проблем. Мне не хватает лопаты для уборки.

– Жизнь не подарок, и ты это знаешь, Конард. Приходиться приспособливаться к окружающему миру. Мы – люди, совершаем ошибки, к нашему сожалению. Иногда становится так тяжело, что не остановить круговорот мрачных мыслей.

Она наконец-то подняла глаза, и Конарду пришлось приложить усилия, чтобы не отвести взгляд.

– Смерть Виолетт что-то затронула внутри меня. Я до сих пор не могу дать этому чувству имя. Однако мне предельно ясно, что... я так не хочу. Я не хочу закончить, как Виолетт.

– Оливия, что ты говоришь? О чем вообще речь? Виолетт... давай на секунду забудем, что она натворила, но Виолетт страдала от психического заболевания. Она не могла контролировать свою жизнь. Не хочу показаться грубым, но именно твой отец и уверил меня, что она уже никогда не покинет ни городскую лечебницу, ни вашу клинику. То, что Виолетт умерла от переживаний, лишь твое предположение и, возможно, неверное толкование лечащего доктора. Ты ничем не нее не похожа, – недоумевал Конард. – Ты, конечно, странная и все такое, но... твой отец...

– Мой отец во многом ошибался!

Оливия подскочила, готовая кинуться на Конарда, однако вовремя взяла себя в руки. Они смотрели друг на друга удивленными глазами и не находили нужных слов. Конарда поведение подруги шокировало. Оливия приложила над собой усилие, чтобы взять ситуацию под контроль. Конард сжал челюсти, понимая, что, скорее всего, затронул запретную тему. Доктор Корон умер не так давно, еще и Виолетт... Он вдруг ощутил, что это лишь начало разговора. Дальше будут новости похуже. Оливия, кажется, готовится вылить на него целое ведро из шокирующих фактов об ее жизни. Конард вновь пробежался глазами по ней. «Недостаточно» яркий макияж Оливии скрывал темные круги под глазами, синяки и бледность. С ней явно что-то случилось, но пока эту историю она держала в себе.

Конард сжал руки в кулаки и приготовился слушать.

Оливия – часть его семьи.

– Без обид, Конард, но ты слеп, – резко бросила Оливия. – Я не хочу обвинять тебя или кого-то еще из моих друзей в невнимательности, ведь это не так. Просто... просто вы все угодили в некий счастливый пузырь. У вас есть вторые половинки, кто-то основал приют для собак, у кого-то даже есть *дети*... Вы идете вперед, ваша жизнь – океан, моя – аквариум. Я устала просыпаться с мыслью о том, что весь мой огромный мир – это банка на тридцать литров. Все эти полтора месяца я задавалась вопросом: кто же я на самом деле? Что из того, что осталось в моей жизни, правда?

Она ударила по столку кулаком, и Конард от неожиданности подпрыгнул на кресле.

– Между мной и Виолетт много общего. Мы заперты в обстоятельствах. Да, я понимаю, что жизнь такая штука и иногда камень не сдвинешь, но я уже устала... Устала от этого всего. Даже если я сдохну, задыхаясь на ковре, я хочу пробить стекло *своего* аквариума. Настало мое время, и я не собираюсь ждать и секунды. Я хочу быть свободной.

– И что же даст тебе эту свободу? Свободу от чего ты хочешь получить, Оливия?

– От нитей, которые я сплела сама, – тихо прошептала она в ответ.

Конард, конечно же, ничего не понял, лишь вылупил на нее глаза.

– Я собираюсь уехать из Парижа. Не знаю, на сколько... Может, и навсегда. Я уже распределила обязанности в клинике. Мой отец не очень хорошо организовывал работу, а я уж и подавно. Мне казалось, роль Оливии Корон – быть связующим звеном близких ей людей.

Когда она заговорила о себе в третьем лице, Конарда пробрало до мурашек. В таком обезумевшем состоянии он ее никогда не видел.

– Мне нужно уехать из этого города, он мне противен. Смотреть на него не могу. Чтобы спасти свою любовь к его жителям, мне пора покинуть этот серый лабиринт узких улиц.

– Оливия, ты не можешь просто так взять и уехать! Не можешь!

– *Конард*, – взгляд подруги потемнел то ли от набегавшего на город вечера, то ли от злобы. – Я могу делать со своей жизнью все, что мне захочется. Ясно? И никто, слышишь, никто не имеет права мне указывать! – она взяла паузу, Даже ты. И уж тем более мой отец, который... – Оливия резко замолчала, и повисла неловкая, гнетущая тишина.

– Я не то хотел сказать! Как мы тут без тебя? Посмотри! Наша жизнь прочно связана с тобой! Мы просто не сможем без тебя! Оливия! Ты наша лучшая подруга! Да ты лучшая подруга всего города, – Конард попытался оправдаться за свои слова. – Давай обсудим это, не руби с плеча. Мы должны разбираться в проблемах, а не сбегать от них. Именно ты научила меня этому. Как же так, Оливия... – Конард не заметил, как встал с кресла во время этой речи, а сейчас чуть не упал, присаживаясь обратно. – Тогда... тогда, когда я сбежал, я потерял целых два месяца, скитался и не решал своих проблем. Оливия... Убегать из Парижа даже для тебя звучит безумно. Моя судьба... я бежал... я...

– *Ты сбежал от своей судьбы, а я от своей прячусь, Конард.*

Она прикрыла лицо руками, пытаясь спрятаться, но не получалось. Она дрожала и чувствовала, как медленно, но верно подходит к своему пределу. Еще чуть-чуть – и у нее случится нервный срыв. Она не могла... пока не могла ска-

зять Конарду правду, почему убегала из города, словно за ней гонятся. Он вряд ли понял бы ее, да и не осталось сил, чтобы выворачивать душу наизнанку. Купить билеты куда-то за океан намного проще, чем говорить с лучшим другом на неизвестном ему языке. Она начала прокручивать в голове банальные мантры, пытаясь успокоиться. Это помогало раньше, поможет и сейчас. Дрожь прекратилась, сердце наконец-то перестало стучать в висках, мысли замедлились, и она нашла силы поднять голову и посмотреть на Конарда. На его лице читались страх и тревога. Он услышал совсем мало об ее переживаниях, не зная самых страшных тайн, а уже сидел бледнее листа бумаги. Оливия потратила последние силы, чтобы натянуть вымученную улыбку, отчего стала выглядеть еще безумнее.

Конард покачал головой, не соглашаясь с ее решением. У нее остался один способ убедить его, и, вероятно, он будет не в восторге.

– Оливия, тебе нужно подождать! Давай... – но закончить ему не дали.

– Какого цвета мои волосы? – ровным голосом спросила Оливия. – Конард, какой мой настоящий цвет волос?

– Я... Ну, ты блондинка. Я никогда не видел тебя с другим цветом волос, – Конард прищурился, пытаясь рассмотреть корни ее волос. Все без изменений. Оливия оставалась блондинкой, ровно как и двенадцать лет назад. Он не мог понять, в чем уловка. – Зачем ты меня дуришь, Оливия! Это

уже не смешно!

– Они темно-русые, Конард, темно-русые, – и в этот раз ей даже не пришлось давить из себя улыбку. Сочувствующая и в то же время понимающая, она расцвела на ее лице. – Не смешно то, что мой лучший друг не знает этого факта, – она выдохнула. – И то, что я покидаю Париж, тоже не смешно, Конард. Шутки закончились.

Они молчали долгие пять минут, переваривая все сказанное.

– Неужели это действительно все? – спросил Конард у Оливии, которая не отводила глаз от своих кроссовок.

Она подняла голову, расправила плечи, готовясь к новому сражению, но обомлела от выражения лица друга: он улыбался искренне и по-доброму.

– Ну-ну, Оливия, не надо выцарапывать мне глаза! Я не собираюсь брать меч и щит. Я... я бесконечно сожалею, – Конард слегка наклонил голову. – Знаешь... мы с Отисом предполагали такой исход событий. Я говорил, что однажды ты просто возьмешь и уедешь. Нет, не бросишь нас, но отправишься по своему пути, и уже никто не сможет тебя остановить. Никому и не захочется вставать у тебя на пути. Я искренне сожалею. К кому же я буду приходить и жаловаться на весь мир? Ты – неотъемлемая часть этого мира. Только подумай! Нам тридцать три года. Это уже не университетские заварушки, появилась работа, у Рин вон дети есть. Невероятно... Возможно, в каких-то полутонах твоей исто-

рии я вижу тьму, и, видимо, единственное, что я могу сделать, — это оставить тебя в покое.

— Что? — Оливия прошептала, не веря словам друга.

— А что? Ты не ожидала такого быстрого ответа? Или такого вразумительного монолога? Вечно ты всех недооцениваешь — и в первую очередь саму себя, — Конард покачал головой, устремляя взгляд добрых глаз на ошарашенную подругу. — Думаешь, ты одна препарируешь людские головы? Нет, *моя дорогая*, в вальсе два танцора. И может, я не так хорош в бальных танцах, но учиться я умею, — он отвел взгляд в сторону. — Оливия, ты несчастна. И никакие блески этого не скроют. Даже сейчас вместо того, чтобы выложить все на стол, ты убегаешь из Парижа. Меня успокаивает лишь одно... Ты наизусть знаешь мой номер, и, в случае чего, я смогу забрать тебя из рук сатаны.

— Я не собираюсь в Ватикан! — она усмехнулась. Удивительно, но прямо сейчас с ее шеи упал один камень, а это значило, что она все делает правильно. — Знаешь, я не на тот свет собралась, так что не надо меня отправлять к сатане. Мне просто нужно попутешествовать и поискать смысл жизни по углам других городов, Париж я весь излазила.

— Что верно, то верно, — Конард прокрутился на стуле. — И куда же ты направляешься? Мне интересно, куда покупать билеты в случае чего.

— Пока не знаю, — она улыбнулась. — Дома решу. Неважно куда, главное — начать двигаться. Надеюсь, ты не поедешь

крышей без моих консультаций. После той истерики из-за отца у меня полголовы поседело. И это не фигура речи.

– Все хорошо, я понимаю – накопилось, – Конард выдохнул. – Я смотрю на тебя – такую храбрую и своенравную – и завидую. Мне до сих пор не хватает сил коснуться последнего потайного сундука в подсознании. А ты решила выломать двери в собственном мозгу, – он закатил глаза. – Хотя, я подозреваю, их там и не было. Хочу стать таким же сильным.

– Обстоятельства всегда сильнее человека, Конард. Нужно просто уметь приспособливаться и ставить парус по ветру, вот и все, – она откинулась на кресле и наконец-то расслабилась. – Ты никогда не задумывался, что есть вещи, которые от нас не зависят? Обруби птице крылья, и она уже не поднимется в небо, как ее ни уговаривай. Ты должен понять, что единственный человек, способный дать тебе свободу, – это ты сам. Тогда в университете именно ты сделал первый шаг. Без участия пациента улучшений добиться тяжело и, как правило, невозможно. Сегодня, сейчас я даю сама себе шанс быть свободной. И тебе пора, Конард. Пора.

– Будет страшно.

– Уже. Но ты справишься, верю в тебя. Не как врач, как твоя лучшая подруга, – она встала. – А теперь мне пора уходить. Боюсь, я смогу попрощаться только с тобой, поэтому прошу – обними всех за меня. Не думаю, что переживу подобные разговоры с кем-либо еще, – она покачала головой. – Особенно с Отисом... Он точно найдет способ убедить меня

остаться. Скажи, что я их всех люблю, обнадежь, что я вернусь, поверь в это сам. Хорошо?

– Ты сказала не хоронить тебя! А сама говоришь так, будто собираешься покупать гроб, – он фыркнул.

– Так, шутки про гробы – это не ко мне. По крайней мере сейчас, дорогой, – она улыбнулась и откинула волосы назад. – *Время говорить «прощай», Конард.*

– Я против. Это время никогда не настанет.

Конард, не говоря ни слова больше, поднялся с кресла и направился к подруге. Он сжал ее в такие крепкие объятия, что услышал тихое попискивание. Даже несмотря на заброшенный в магистратуре спорт, он оставался крепким и высоким парнем, хотя и Оливия была не промах. Слезы размазали ее блески, превращая сдержанный макияж в буйство красок. Так она казалась роднее и ближе, чем пять минут назад.

Конард не мог дать название буре эмоций, как только осознал слово «прощай». За эти десять лет он повторял его много раз. Дружба не могла исчезнуть просто так, однако время стирает воспоминания, накладывает отпечаток старости и переносит в коробку с вещами, которую жаль выкидывать. Конард пообещал себе ни за что не забывать Оливию и всегда ждать ее возвращения домой. Они никогда ее не забудут. Он подозревал – путь ее простым не будет.

За окном все еще падал снег. В здании головного офиса компании «Аслан» прощались два дорогих друг другу чело-

века. Время в очередной раз стало вершителем судеб. Телефон Оливии зажужжал и призывал бежать, пока не поздно.

– Ну ты и даешь! – Конард рассмеялся и отступил.

– Я боялась, что ты найдешь аргументы и уговоришь меня остаться. Как видишь, зря боялась, – она опустила глаза вниз. – Конард, а почему ты в домашних шортах и тапочках?

– Ну так за столом моих ног не видно, а обычно я даже за кофе не встаю, лень, – он зевнул. – Возьму-ка я выходной на сегодня. Кажется, у меня, правда, высокий риск инсульта. И он точно случится, если мексиканец опять на ломаном английском будет просить меня попробовать чуррос. Клянусь Буддой, я за себя не ручаюсь.

– Пробовать новое не так уж и плохо. Чуррос вкусные, – Оливия направилась к выходу. – Не следи за мной. Я обещаю звонить минимум раз в две недели. Не позвоню – можешь смело поднимать весь мир на мои поиски.

Пока она уходила, Конард стоял и пялился на ее спину.

– Прощай, Конард Легран! Еще увидимся!

Она открыла дверь и хотела выйти, но друг ее окликнул:

– Оливия! Так у тебя и правда темно-русые волосы?

Оливия посмотрела на Конарда. В тапочках-львятах и рваных шортах он выглядел очень комично. Она же замерла в дверях, явно обдумывая ответ, а через секунду развернулась к Конарду, широко улыбнулась и сказала:

– Нет, всегда была блондинкой, дурак.

И захлопнула дверь.

– Я так и знал, что она мне врет! Повелся как мальчишка, а!

Конард захлопнул дверь и гордо вскинул подбородок. Он прошествовал до своего дивана и с обиженным видом сел на него, хватаясь за джойстик, но игра не пошла. Он то и дело возвращался к разговору с Оливией. Ей вновь удалось обрушить на него водопад новостей и переживаний.

Сколько бы лет ни прошло, но Оливия всегда влияла на них. Она была талантливым психотерапевтом и отличной подругой: доброй, заботливой и внимательной.

Без нее, конечно, их жизнь не развалится на куски. Таково правило взрослой жизни: всех людей можно заменить. Но как долго ты будешь лезть на стенку от боли после ухода человека?

Конард задумался: насколько хорошо они все знали прошлое Оливии? Она влезала своим любопытным носом не в одну историю, то оставаясь безразличной, то, напротив, становясь навязчивой. Но никому не было известно ни о ее детстве, ни о взрослении, ни о настоящих отношениях с отцом. Что стало с мамой Оливии? Почему в тридцать три года Оливия с таким количеством знакомых и связей оставалась одинокой? Ее вопрос про волосы – очередной трюк, но в нем она скрыла печальное послание: *«Никто меня не знает. И, возможно, даже я сама»*. Конарда пугали собственные слепота и глупость. Любовь, а затем и размеренная, но счастливая жизнь вскружили ему голову. Все они шли дальше, развива-

лись, не замечая, что за их спинами Оливия сбавляла шаг, и ее голос из крика превратился в шепот.

Конард выдохнул и встал с дивана. Он подошел к окну. Снег прекратился. Можно ли разглядеть маленького человека с тридцать третьего этажа? Конард не смог разглядеть человека, даже глядя на него в упор... Осталась ли надежда? Его телефон завибрировал.

– Да? Не надо только сейчас обсуждать наш последний разговор, – Конард слушал ответ по телефону и не успевал закатывать глаза от бессмысленных аргументов на том конце провода. – Давай потом? Оливия приходила, – он переложил трубку из одной руки в другую. – Да, она живая, но ты уже не доберешься до нее. Она решила попутешествовать. Назначила в клинике управляющих и отправилась искать себя, – Конард внимательно слушал ответ в телефонной трубке. – Да, я тоже подумал, что это в ее стиле и держать ее бессмысленно. Я не знаю, куда она собралась. Может, на край света, а может, и в деревню под Парижем. Это же Оливия.

Конард задержал дыхание и взял паузу.

– Знаешь... разговор с ней выбил меня из колеи. Я сегодня вернусь домой пораньше, – в трубке молчали. – Я внезапно осознал, что совсем ее не знаю. Что, если на самом деле Оливия *совсем другая*, понимаешь? – Конард усмехнулся. – Даже уходя, она смогла подтолкнуть меня в сторону правильного решения, – он провел пальцем по запотевшему от дыхания стеклу. – Я готов поговорить *с ней*... Думаю, время пришло

и бежать уже бессмысленно. Время идет, и не только дата в паспорте требует взрослых решений, но и логика. Не тараторь, пожалуйста. Да, я собираюсь...

Конард закрыл глаза.

— *Я собираюсь написать своей матери.*

* * *

Возможно, Конард и не смог разглядеть Оливию с высоты, зато она точно знала его месторасположение. Перед тем, как зайти к нему на разговор, она стояла под снегом не меньше часа и сверлила взглядом все окна. Все прошло намного лучше, чем она предполагала. Смерть Виолетт, которая пошла на поправку за пару дней до этого события, выбила почву из-под ее ног, заставила двигаться и биться за саму себя и свое будущее.

Сидя в своей маленькой квартире и перечитывая в сотый раз работы Сартра, Оливия рисковала превратить ее в склеп. Она раз за разом прокручивала в голове выводы и записи лечащего врача Виолетт: *«Много плакала. Истерики. Просьбы написать хотя бы письмо Отису. Полное отсутствие желания жить»* и многое другое. Только-только начавшая вырываться из клетки безумия, Виолетт загнала себя в новую. Именно тогда Оливия поняла: либо она прямо сейчас выбрасывает Сартра в окно, либо через пару месяцев она выбросится из него сама.

Экзистенциалисты – тема, которую стоит избегать.

Она шагала по заснеженному тротуару, попутно ловя такси, а мимо нее по дороге промчались скорая помощь и наряд полицейских машин. Яркие цвета ослепили и заставили отступить на пару шагов назад. Грудь сковал страх, в голову полезла паническая мысль бежать в противоположную сторону. Она попыталась успокоить дыхание, сжала руки в кулаки, но не могла оторвать взгляда от мигалок. Они полностью захватили ее внимание и крюками потащили в события не столь далекие: в ее последнюю ссору с отцом и по совместительству последнюю их встречу.

Снег таял под ногами, кровь в висках шумела, и шум этот сливался с шумом проезжающих машин. В затуманенных глазах Оливии читался один-единственный вопрос: «Как это все могло произойти?»

За плечами Париж

– Объявлен рейс до Гавайских островов, просьба всем пройти к выходу G17. Повторяю, объявлен рейс до Гавайев, просьба всем пройти к выходу G17, – громкий голос полетел по аэропорту Орли в Париже.

– Прекрасно! Нужно было купить билеты до Гавайев! Почему мне так не везет с моим первым рейсом? – Оливия посмотрела на огромное табло, выискивая номер своего самолета. – Задержка на два часа, а я, как дура, чуть ли не летела сюда. Ладно уж, подожду, – она выдохнула и посмотрела по сторонам в поиске свободного стула.

Она выбрала не самое удачное время для путешествия до Нью-Йорка. После девятого января людей в аэропорту увеличилось в десять раз. Кто летел в теплые края, кто, наоборот, уже возвращался, поэтому аэропорт напоминал улей.

Оливия покатила чемодан вдоль занятых мест в надежде

найти хоть одно свободное. Пока люди сидели, уставившись в телефоны, у нее появилась возможность рассмотреть каждого и поставить пару предположительных диагнозов.

Ее путешествие – это передышка, смена наскучивших видов, небольшой побег от проблем. Уж самой себе Оливия решила не врать. По этой самой причине она не взяла с собой много вещей, ограничившись небольшим чемоданом. Все же она собралась в Нью-Йорк, а не в тропические джунгли Бразилии. Она найдет, где купить там пару штанов, футболок и солнечных очков. Свободное место нашлось спустя десять минут, правда, пришлось ради этого последить за одной пожилой парой. Как только они ушли, Оливия бегом кинулась к освободившимся местам. Она услышала, как что-то в чемодане хрустнуло.

– Черт, колесикам пришел конец, а я его купила только вчера! Вот халтурщики, лишь бы на людях наживаться, – она фыркнула и гордо села на место. Рядом с ней опустилась тучная женщина.

Стоило ей присесть, как в голове завертелись десятки пугающих мыслей. И самая противная была связана с ее спонтанным путешествием. Не перегнула ли она палку, когда временно оставила работу в клинике, бросила все и всех и умотала в другой город, в другую страну. Это уже не первая ее попытка сбежать из Парижа, но одна из самых успешных. Сейчас у нее появилась *реальная* причина покинуть страну, а уверенность вдруг куда-то подевалась. Оливия разверну-

лась к окну и задержала дыхание. Снег медленно кружился за окном, шесть часов утра, ее невероятно клонило в сон. Восемь часов перелета, она успеет еще выспаться и пересмотреть пару серий какого-нибудь ситкома. Как только она поднимется на трап самолета, дороги назад уже не будет. Гордость не позволит ей вернуться, пока дело не будет выполнено. Жаль только, она сама толком не понимала, что именно должна сделать для достижения цели – стать счастливой и свободной.

– Судьба будто хочет испытать меня, – она покачала головой и посмотрела на экран телефона. Оливия уже была готова подняться в небо, а небо еще не готово было принять ее. – Ничего, это просто еще одна проверка моей выдержки и целеустремленности. Я и не с таким справлялась, не такое вытворяла.

– Почему ты разговариваешь сама с собой?

От тихого вопроса, донесшегося справа, Оливия чуть не подпрыгнула на месте.

– Потому что... – она, не поворачивая голову, продолжила смотреть на снег. Простой вопрос, простой ответ, а мыслей столько, сколько снежинок за окном. – Потому что рядом со мной никого нет...

– Обычно в этих случаях люди молчат, – ответил все тот же тихий голос справа.

– Не все в жизни «обычно», – передразнила Оливия.

Она наконец-то оторвалась от однообразного пейзажа из

самолетов и снега за окном, повернулась в сторону, откуда звучал вопрос, однако не нашла никого, хоть отдаленно похожего на бородатого профессора философских наук. Там сидел мальчик лет десяти, читавший толстую книгу. Оливия оказалась не в восторге от того, что какой-то школьник решил поучить ее жизни, но все же уняла раздражение и вновь повернулась к табло. Прошло тринадцать минут. Всего тринадцать минут, а она уже захотела в туалет, за соком, едой, кофе и влажными салфетками. Вот только стоило ей направиться хоть за чем-то из этого списка, как дорога доведет ее до квартиры, а жизнь – до ручки. Она сжала зубы и посмотрела на свои колени. Несколько прядей упало из наспех сделанного с утра пучка. Оливия напряглась, собиралась уже встать и пойти купить кофе, как мальчик с книгой вдруг произнес:

– Если захочешь, можешь поговорить со мной, чтобы не выглядеть чокнутой, я не против. Моя бабушка уснула, а нам идти к выходу минут через двадцать. Книгу я дочитал, больше мне делать нечего. Неизвестно, когда выйдет заключительная часть.

– А что ты читаешь? – он указал ей на рекламный стенд впереди, потом еще на один и еще один. Она настолько ушла в свои мысли, что и не замечала их до этого момента. На них активно призывали читать новую книгу Ричарда Альвареса «Тайны великанов», которая стала предпоследней в большом цикле.

Оливия огляделась по сторонам и с удивлением обнаружила еще пару человек, читающих эту же книгу. Возможно, те, кто не читал бумажную, читали электронную. Оливия не могла назвать себя любителем художественной литературы, но все равно удивились, что творчество популярного автора прошло мимо нее. Она впервые услышала о Ричарде Альваресе и с ужасом поняла, что жизнь действительно обходит ее стороной. Это укрепило ее желание улететь в Нью-Йорк и уже самой догнать эту самую жизнь и встряхнуть все ей причитающееся.

– Мне казалось, что все в мире знают Ричарда Альвареса и его цикл! Я вот оторваться не мог от книг! Купил пять штук месяц назад и читал все время. Ни одна история не захватывала меня так же сильно, как эта. Попробуй почитать. Я бы дал тебе первую книгу, да мы сдали остальные в багаж.

– Спасибо, я обязательно прочитаю ее, – Оливия улыбнулась. – Знаешь, а ведь мы еще не представились друг другу! Меня зовут Оливия, и я лечу в Нью-Йорк. А ты куда?

– Меня зовут Билли, и я лечу в Мехико, – он улыбнулся. – Весь полет буду смотреть фильмы по прочитанным книгам. По этой, – он поднял увесистый том вверх, – только снимают. Я решил сначала прочесть.

– И правильно сделал, будешь теперь сравнивать, – она не переставала улыбаться. – Спасибо, Билли, я теперь не похожа на городскую сумасшедшую: у меня нашелся отличный собеседник! Нам обоим предстоит долгая дорога...

– Да, лететь целую вечность!

Оливия посмотрела перед собой. Она имела в виду совсем другое, хоть и не могла не согласиться с Билли.

Она протянула руку к книге, а Билли охотно отдал ее, а сам взял в руки телефон. Оливия коснулась мягкой обложки, пробежала глазами по названию, полистала внутри, почитала аннотацию, в итоге вернулась к имени писателя. Знал ли он с детства, кем хочет стать и почему? Доволен ли он своей жизнью и какова вообще жизнь у столь популярных людей? Судя по небольшой биографии, напечатанной на обороте книги, он младше ее на несколько лет, и, вероятно, такие вопросы ему уже не раз задавали.

Оливия прикрыла глаза и не обнаружила в своей душе сомнений. Невероятно, но отчего-то теперь ее не волновало, куда и зачем она направлялась. Суть пути в самом пути. Она пообещала себе делать шаг за шагом, изучать мир и собственные ощущения. И самое главное, наконец-то задала себе самый важный вопрос: «Что может сделать ее счастливой и научить не бояться туманного завтра?»

– Если ты не знаешь, кто такой Ричард Альварес, то советую почитать его книжки! А еще биографию! – Билли улыбнулся. – У него есть *три* лучших друга. Один из них стал самой яркой звездой Бродвея за последние десять лет, другой получил степень доктора в астрофизике, а третий – один из самых результативных игроков в сборной США. А, о! Еще жена того, что астрофизик, как же его... Джек... Джери...

его жена – одна из ведущих модельеров. Их называют фантастической пятеркой. Классные истории! Мечтаю познакомиться с кем-то из них. Хотя бы с Ричардом Альваресом!

– А кем хочешь стать ты, Билли? – Оливия не могла сдержать улыбку. – У тебя есть мечта? Своя. Сокровенная. Мне можешь рассказать! Я никому не разболтаю! Обещаю!

– А я и не скрываю, – он ухмыльнулся. – Хочу стать как мой папа – летчиком. Он – мой пример для подражания.

Оливию поразили ответ Билли. Она не ожидала услышать нечто такое... *знакомое*. Мир действительно жил и развивался по одному и тому же сценарию. Она невольно вспомнила свою жизнь, свое детство и поняла, что так же, как и этот мальчик, увлекалась популярными на тот момент книгами, мультфильмами, да и просто много смотрела телевизор. А еще мечтала пойти по стопам отца. Ее многочисленные статьи, диплом и практика подтверждали: у нее получилось. Осталось лишь понять, а стоило ли оно того?

Чем она отличалась от Ричарда Альвареса? Заслуживала ли счастья?

– Объявляется посадка на рейс R17 до Мехико. Повторяю! Объявляется посадка на рейс R17 до Мехико. Просьба всех пассажиров пройти к выходу.

Голос Билли снова вырвал Оливию из раздумий.

– Ну, вот нам и пора, – Билли снова пожал плечами. – Надо как-то разбудить бабушку, иначе мы не улетим. Это наша третья попытка, – он улыбнулся и проследил, куда смотрит

Оливия. – Хочешь, я подарю тебе эту книгу? Мне не жалко!

– Что? Ты уверен, что готов с ней расстаться? Ты же так любишь этого писателя, – Оливия внимательно смотрела на Билли. – Тем более она шестая в серии... Есть ли смысл начинать читать с нее?

– Есть. Некоторые истории начинаются с конца. Пока, Оливия! Приятно было познакомиться, не разговаривай больше сама с собой на людях, – он помахал ее рукой. – А еще у тебя крутые цветные пряди, хоть они и потускнели. Красиво.

Оливия прижала книгу к груди.

– А мне пора!

Билли попытался разбудить бабушку. Со второго раза у него получилось, и старушка, забормотав что-то себе под нос, поднялась и проверила сумку. Потом они медленно пошли к нужному выходу, и только после того, как странный мальчик и его бабушка окончательно растворились в толпе, Оливия позволила себе вновь посмотреть на табло. Осталось чуть больше часа до ее рейса – и ни одной тяжелой мысли. Она взяла книгу, еще раз пробежалась взглядом по названию, имени автора и открыла. На форзаце она нашла надпись: «Это книга Билли. Если вы нашли ее где-то в автобусе, позвоните по номеру, указанному на наклейке». Когда она прочтет весь цикл, обязательно наберет этому мальчику.

Удивительно, но желание выпить кофе и купить еды пропало. Не захотела она и сидеть в телефоне. Ей хотелось за-

помнить образ Парижа, когда Оливия покидала его. Она не знала, куда приведет дорога, когда голос объявил посадку на ее рейс. Кто в курсе событий следующего дня? Никто.

Оливия отдыхала в Нью-Йорке десять лет тому назад и уже не помнила город, да и не было смысла его вспоминать – изменения мазнули кистью по городу искусства и порока. Впрочем, она не обманывалась слухами о нем. Про Париж всегда говорили, что это город любви, но что-то Оливия сама этого не заметила.

На прощание с ним у нее ушли пара минут, пока она шла в самолет по трапу. Ей хотелось расстаться с городом на хорошей ноте. Она должна двигаться вперед и на время оставить старого друга.

– Удивительно, мир не треснул пополам, – она пожала плечами и покатила скудный багаж вперед.

Пока Оливия сидела около иллюминатора и смотрела, как родной город, по мере взлета самолета, отдалялся от нее, почтальон закинул в ее ящик очередную порцию писем. Но увидеть их, в частности и то, что с гербом полиции, она уже не смогла.

Оливия летела за океан и думала о Билли и его серьезных планах на жизнь. Она не ответила ему на вопрос, чем же так увлеклась, раз не слышала про Ричарда Альвареса. Не очень стройные мысли потянули ее в воспоминания о детстве. Их Оливия старалась держать в сундуке под сотней замков. Но сейчас все же вспомнила и о маме, которая всегда повторя-

ла, что торопиться жить бессмысленно, важно оставаться ребенком как можно дольше.

И вот спустя много лет до Оливии дошел смысл ее слов. Ей потребовалось двадцать четыре года, чтобы их понять...

Она вновь посмотрела за окно и улыбнулась. Рассвет и не думал заниматься, лишь слегка окрашивая черное небо в лазурные цвета. Конард бы с легкостью изобразил мазками всю красоту и многогранность природы, всю полноту небес. А у нее с детства не ладилось с рисунками. Она портила много листов, чтобы выполнить задания в школе. Кто знает, если бы она не бросила это, на первый взгляд, гиблое занятие, может, сейчас она бы смогла изобразить красоту мира за окном и дать этой картине название: «Прощай».

Туман обнял их самолет. Стоило ему набрать высоту, как Оливия уткнулась в книгу...

* * *

За окном стояла замечательная погода, солнце спряталось за облаками, легкий ветерок обдувал раскидистый клен около дома, покачивая привязанные к нему качели. Но Оливия не отвлекалась ни на секунду: игнорировала и детей, играющих на подъездной дорожке, и няню, и собственную усталость от рисования. Она сидела на розовом стуле и усердно выводила человечков. Итоги трудов скорее походили на разноцветные макароны, чем на ее одноклассников. Она изри-

совала уже сотню листов, без устали корпя над заданием ее любимой учительницы, мадам Моррис. Ей хотелось удивить и поразить не только ее, но и ребят. Она старалась дружить со всеми и не обращать внимания на глупые прозвища одноклассников, как учила мама.

В конце концов она откинулась на спинку стула и устало выдохнула, стерев пот со лба. На ее плечо легла рука и несильно сжала. Оливия дернула головой и посмотрела вверх.

– Мне кажется, вариант триста шестидесятый – лучший, Оли... – женщина, чьей копией была Оливия, смотрела на девочку и широко улыбалась. – Я люблю Регину, но больше она с тобой сидеть не будет.

– Мама, да все хорошо у нас с мадам Региной! Она устала бегать за мной днем, вот и свалилась без сил! – Оливия улыбнулась и взглянула под другим углом на свое творение. Ей казалось, что работа до сих пор ужасна, но, раз маме нравится, значит, все не так уж и плохо. – Ты сегодня рано! Мы пойдем гулять?! А есть? Я ужасно хочу есть! Творчество – такой затратный процесс! – Оливия откинула косу за плечо и вздернула нос, хватая рисунок. – Повешу на холодильник, чтобы папа заметил.

– Пару женщин перенесли записи, и меня отпустили пораньше, – мама Оливии стерла пот с лица. – На улице прохладно, но в комнате у тебя душно. Открой окно, иначе к вечеру станет совсем нечем дышать. В нашей мастерской так

и не починили кондиционер, поэтому мы с девочками в каком-то аду. Ощущаю себя свиньей на вертеле, пока кручусь над клиентом. Еще и вентиляция еле работает.

– Мама, пойдем есть, мне кажется, я сейчас съем свои ризунки с яблоками.

Мирабель посмотрела на кружочки, закрашенные разными цветами. Хорошо – пусть будут яблоки...

– Будем будить мадам Регину? Или пусть храпит дальше? – уточнила Оливия.

– Нельзя так говорить о гостях, – шикнула на нее мама и посмотрела на няню, которая скрючилась на детской кровати и мирно посапывала.

Оливия могла загнать и быка на родео, поэтому Регине можно было только посочувствовать. Редко случалось так, чтобы они с мужем пропадали на работе во время выходных.

– Думаю, мы дадим мадам Регине отдохнуть столько, сколько ей потребуется. Видит бог, я не плачу ей достаточно, чтобы она стойко выносила твой характер.

– Мама, а если она твоя лучшая подруга, почему ты ей платишь? Я вот в школе помогаю всем бесплатно! – Оливия слезла со стула, держа рисунок в одной руке, а другой хватаясь за руку мамы. – Когда мальчишки курили в туалете, я ничего не рассказала мадам Моррис!

Мама вылупила глаза.

– Ой...

Мирабель с интересом посмотрела на дочь, которая сразу

отвела глаза в сторону. То, что Оливия покрывала своих одноклассников, – это еще бог с ним. А вот то, что она вела с ними всякого рода воспитательные беседы, устраивая этим самым психиатрические отделения в стенах школы, было не очень. Почему-то Оливия обожала говорить с одноклассниками по душам в школьных туалетах. Мама в свою очередь решила не обострять тему, надеясь, что Оливия уяснила намек.

– Так, сделаю вид, что я этого не слышала, – мама помотала головой. – Каждый труд должен быть оплачен. Как раз то, что я плачу ей за работу няни, и говорит, насколько сильно я ее уважаю. Я ценю ее время и понимаю, что мадам Регина могла спать в удобной кровати под кондиционером, а не летать за тобой по всему дому. Хорошая работа – хорошие деньги, – она подняла указательный палец вверх. – И чтобы я больше не слышала, как ты покрываешь мальчиков. Курение вредно, и они больше не вырастут. Это не круто.

Оливия не согласилась с мамой, но вслух, конечно же, об этом не сказала.

Неожиданно на кровати зашевелилась Регина.

– Мирабель, бога ради, прости, я сделала все, что было в моих силах, я ужасная няня, но я не встану. Я была и пожарным, и врачом, и динозавром, и подопытным кроликом... Прошу, или пристрели меня, или дай поспать еще хоть час. И знаешь, что еще? Я не знаю всех покемонов...

– Регина, расслабься и спи, я вернулась пораньше, – Ми-

рабель улыбнулась и пожала плечами. — Когда вновь почувствуешь себя человеком, приходи вниз, выпьем кофе и поболтаем.

Ответа не последовало.

— Ну и замечательно, она вырубилась. Оли... Чего ты с ней натворила? Сколько раз я говорила: не издевайся над людьми! В сотый раз повторяю: стыдить людей за незнание покемонов нельзя!

— Она сама согласилась! — Оливия вырвалась из хватки мамы и понеслась вниз по комнате, оставляя Мирабель одну.

Пока дочь на первом этаже в очередной раз ударила дверцей холодильника и загремела столовыми приборами, Мирабель решила рассмотреть пару десятков листов на полу, столе и полках. Все пестрело красками. Они с мужем покупали Оливии карандаши буквально каждую вторую неделю. Половина их бюджета уходила на рисование.

Мамин грустный взгляд скользил по идеально убранной комнате, слегка тронутой творческим беспорядком. Оливия была аккуратна, чистоплотна, всегда раскладывала вещи по полочкам. Внешне будучи копией Мирабель, поведением Оливия пошла в отца — рассудительная, иногда заносчивая и, главное, любознательная. Муж в молодости мог часами сидеть над учебниками и искать ответ на интересующий вопрос.

Пыль вальсировала в луче солнца, перехватывая внимание Мирабель. Жизнь стремительно менялась, и крошечная

Оливия, которую, казалось бы, они совсем недавно привезли из роддома, уже училась во втором классе. Дрожащей рукой Мирабель заправила светлую прядь за ухо, наклонила голову и опустила плечи. Минута ушла у нее на то, чтобы вырваться из своих мыслей. Громкий стук на кухне окончательно помог взбодриться. Мирабель улыбнулась.

– *Моя дорогая Оли...*

Она спустилась по лестнице медленно, крепко держась за перила и прищурившись от яркого солнца, которое заливало светом их гостиную. Глубоко вздохнув, Мирабель постаралась по запаху определить, что Оливия приготовила в этот раз. Когда дочери было четыре, они вместе готовили торт, и вот тогда у Оли проснулось желание смешивать всевозможные ингредиенты. Спустя два года попыток и после множества уничтоженных продуктов Оливия сделала вывод, что не все остается вкусным после духовки и начала более осознанно подходить к готовке.

Сейчас, судя по запаху, она остановила выбор на яичнице.

Время подходило к пяти, и в скором времени должен был вернуться с работы муж. Мирабель пробежалась взглядом по гостиной, отмечая идеальный порядок. Поведение дочери удивляло и вызывало вопросы: она не доросла или уже перескочила некоторые стадии во взрослении? Так или иначе, никто не жаловался, кроме их посудомойки и Регины.

– Дорогая, давай ты не будешь устраивать званый ужин?

Папа скоро вернется с работы, его устроит обед всего из трех блюд, – Мирабель заправила за ухо светлую прядь и села на стул в кухне, подперев голову руками. – Мы же с тобой договорились готовить так, чтобы все съедалось сразу. Даже вкусная еда уйдет в мусорку, если пропадет.

– Все хорошо, мам! Я это не папе, а себе готовлю. Захотелось яичницу со шпинатом и фасолью! – ответила бодро Оливия и отвернулась к плите.

И когда она успела так вырасти?

– Как дела на работе?

– Так, я не поняла, мы что, поменялись ролями? – Мирабель рассмеялась. Иногда серьезность дочери забавляла, иногда пугала. – Лучше ты расскажи, как дела в школе? Ты уже подружилась со всеми детьми или кто-то смог спастись от твоего очарования?

– Да, я уже познакомилась с ребятами постарше, – Оливия засыпала в сковороду овощи, потом развернулась к маме с широкой улыбкой. – Они заболели и сидят дома.

– Отчего-то я совсем не удивлена. Я про то, что ты подружилась со всей школой, – Мирабель лукаво улыбнулась. – Ну а есть прям друзья-друзья? Те, с кем ты действительно хочешь общаться?

– Я со всеми хочу общаться. Люди – интересные, – Оливия выключила огонь и дала яичнице настояться.

Она смотрела на дочь и радовалась, вспоминая свой путь. Возможно, дочери удастся устроиться в жизни лучше, чем

это получилось у Мирабель. В отличие от мужа, она не получила хорошего образования, но в жизни не пропала: благодаря помощи тети и собственному упорству смогла стать парикмахером. Пару женщин в пригороде Парижа до сих пор проклинали ее за испорченную прическу, однако со временем она набралась опыта и теперь работала без продыху.

Сегодняшний день не стал исключением. Несмотря на то, что кое-какие клиенты перенесли визит, она смертельно устала. В последнее время она взвалила на свои плечи чересчур много дел. Они с мужем работали не покладая рук, чтобы накопить денег на квартиру для Оливии и ее обучение в университете. Несмотря на то, что их дочь была смышленная и получала хорошие оценки, подстраховка ей не помешает. Цены на квартиры в Париже росли, тем более они планировали перебраться из пригорода, чтобы у Оливии появилось больше возможностей. Из-за этого Мирабель валилась с ног, а муж зачастую устраивал психологические консультации дома. Слыша их, дочь и нахваталась лишнего.

– Меня иногда смущает, что, вместо обсуждения уроков, мы говорим о людях в третьем лице, Оли... давай переключимся на более простые темы, – Мирабель чувствовала себя серфингистом, которому необходимо удержать равновесие на доске. Она не хотела оттолкнуть дочь своими словами, лишь поговорить с ней на более детские темы. В ее возрасте Мирабель переживала, купит ли ей мама платье в черный горошек или нет. – Ты вчера говорила, что подружилась

с девочкой...

– Если ты о Сисилии, то мне пришлось выстроить чисто приятельские отношения, подружками мы не станем, – она явно копировала какие-то слова отца.

Оливия ловко переложила яичницу и овощи в тарелку и села напротив мамы. Но потом, спохватившись, снова встала и пошла за ножом и вилкой.

У Мирабель вновь появились пара секунд, чтобы понаблюдать за дочерью. В последнее время они с мужем уделяли ей слишком мало внимания, перекладывая заботу на няню. Оливия становилась самостоятельной слишком быстро. К шестнадцати годам мышлением она точно превратится в старика.

Тень, падающая на пол от жалюзи, вдруг показалась Мирабель тенью решетки в тюремной камере. Она не понимала, когда они все успели в нее угодить.

Мирабель хотела было ответить дочери, однако решила начать исправлять ситуацию с себя и мужа. Но сегодня она слишком устала для этого. Все завтра. Она прикрыла глаза рукой.

– Мам, ты какая-то рассеянная, может, тебе поспать?

Мирабель широко распахнула глаза и удивилась, когда обнаружила, что Оливия уже, оказывается, съела яичницу и доедает овощи. Она что – задремала сидя? Главное ей – не забыть о плановом походе к врачу.

– Если хочешь, я могу разогреть папе лазанью, а ты приляг

к мадам Регине.

– Думаю, твоя кровать не выдержит такой нагрузки, особенно после того, как ты танцевала под Леди Гагу, дорогая, – Мирабель зевнула, прикрывая рот рукой, и встrepенулась. – Ужас как спать хочется, но лучше перетерпеть, иначе опять буду читать до рассвета. И из этого замкнутого круга уже не выбраться.

– Ты все не можешь прикончить тот любовный роман?

Мирабель хмыкнула и решила прятать свои книжки лучше.

– Я прочитала аннотацию. Типичная история про принца на белом коне.

– Ты где этих слов набралась? – Мирабель с недоумением окинула взглядом Оливию. – Подобные книги расслабляют меня после работы. Книги не обязательно должны быть сложными, Оли, иногда им надо быть простыми. Мне посоветовала ее одна клиентка, а ты прекращай подслушивать папины сеансы и лазить в моей тумбочке. Это незаконно.

– Мама, я смотрю диснеевские мультики, а не подслушиваю папу. Но они ужасно скучные, поэтому я переключилась на покемонов и жду, когда Эш победит в Лиге чемпионов.

– Твой любимый покемон не Пикачу? – спросила с улыбкой Мирабель.

– Нет, конечно, я что – совсем ку-ку? – Оливия покачала головой и отставила тарелку в сторону. – Кто же берет электрического покемона в начальную команду? Только Эш, ко-

торый проспал и запутался в собственных штанах.

– А ты не путаешься?

– Я ношу платья.

Мирабель улыбнулась и услышала, как открывается дверь. Взгляд светлых глаз устремился к часам. Шесть. Ленивый диалог с дочерью растянулся на час. Сегодня она собралась лечь в восемь часов, и, пусть за окном начнется метеоритный дождь или One Direction постучатся к ней в дом, Мирабель будет во власти Морфея.

Оливия пошла встречать отца и поспрашивать у него про пациентов, пока мама не слышит.

Чуть позже по спине Мирабель заскользила его рука.

– Ты сегодня рано, – доктор Корон ласково улыбнулся, – решила взять еще один выходной? Ай-ай, смотри, а то дашь себе отдохнуть, и тогда все пропало. Два отгула в год – это уже ни в какие рамки, Мира.

– Дэвид, не смешно, – она покачала головой и улыбнулась.

Оливия доставала из холодильника контейнер с лазаньей и поставила в микроволновку.

– Две клиентки перенесли окрашивание на следующую неделю, и я решила отдохнуть. Ты, между прочим, тоже пришел рано. Неужели ты изобрел какой-то метод, который мгновенно помог всем пациентам?

– Ну тогда бы я стал безработным и очень богатым человеком, Мира, – он тоже, не стесняясь, еле успевая закрыть рот рукой, зевнул. – День тяжелый. Не успеваю перед выход-

ными встретиться с еще одной клиенткой. Даже не знаю, что делать. Не очень бы хотелось звать ее к нам.

– А что с ней? – как бы невзначай поинтересовалась Оливия. Она обожала слушать истории отца с работы, но тот совсем изредка рассказывал об интересных случаях. – Я даже могу пойти погулять, пока вы здесь, для сохранения конфиденциальности вашего сеанса.

– Оливия, а сейчас ты не хочешь сохранить эту самую конфиденциальность? – отец усмехнулся.

Оливия поставила перед ним лазанью.

– Спасибо. У пациентки РПП. Каждый раз, когда она нервничает из-за критики отца по поводу ее внешности, она начинает есть.

– А почему она просто не поговорит с ним и не попросит не критиковать ее? – удивилась Мирабель.

– Ну, случай уникальный по другой причине, – Дэвид улыбнулся смущенно, и, пока Оливия пошла за приборами, он наклонился к жене и прошептал. – Отец полгода как умер. Она до сих пор слышит его голос.

– О... – Мирабель захлопала глазами, стараясь побыстрее вернуть себе невозмутимый вид. – Все, давайте прекратим раскрывать тайны пациентов и перейдем к более важным. Какие у кого планы на завтра? Я схожу к доктору, сдам кровь – и свободна. У нас закончились продукты, предлагаю сходить в магазин.

– У меня смена завтра минимум до пяти вечера, только

если часов в семь, не раньше, – доктор Корон промычал от удовольствия и посмотрел на жену. – Думаю, мы везде успеем, не стоит переживать.

– Я не переживаю, а решаю, не перенести ли мне поход к врачу, – Мирабель закусил губу. – В конце концов, это не так важно. Если я схожу и сдам анализы на следующей неделе, ничего не случится с моей страховкой, а так появится повод взять дополнительный выходной, – Она громко зевнула. – Нет, вы меня простите, пожалуйста, но я пойду спать. Меня так сильно рубит, будто я не спала неделю. Дэвид, там наверху спит Регина. Оли ее загнала сегодня, как марафонца. Я ей не платила. Пусть выспится, и завари ей кофе, хорошо? Меня не будите до следующего тысячелетия.

– Мира, я не думаю, что получится проспять так долго... Мадам Ким лично заявится сюда с феном и будет требовать завивку, жива ты там или нет, – Дэвид улыбнулся и помахал жене. – Иди спи до самого утра. Мы с Оливией придумаем, чем заняться! Еда у нас есть, а значит, точно не пропадем!

– Дэвид, я прошу, заканчивай рассказывать ей про своих пациентов, хорошо? – Мирабель видела, как Оливия поморщилась. – Нет, дорогая, все, хватит этих разговоров. Идите смотреть мультики, погуляйте или купите собаку. Работа должна оставаться за дверью, иначе этот дом превратится в салон красоты для душевнобольных, – последние ее силы ушли, чтобы сделать строгое выражение лица. – Я все сказала, Оливия.

Не дожидаясь ответа, Мирабель покинула столовую.

— Кажется, мама немного недовольна нашими разговорами, Оливия, — Дэвид отвел взгляд в сторону. — Нам придется подчиниться и, дабы избежать мук совести, не противиться ее просьбе. Давай возьмем мороженое и пойдем смотреть мультики. У нас с тобой очень много серий покемонов.

— А как же разбор «Геркулеса»? Мы не можем оставить его на полпути! Ну папа! Это так интересно! Мы даже мультик не досмотрели, — Оливия насупилась и посмотрела на лестницу. — Давай мы досмотрим «Геркулеса» и на этом закончим? Не люблю не доводить дело до конца. Если взялся, надо выполнять.

— Хм, ну пойдем, — он улыбнулся. — Только маме ни слова. Иди, включай «Геркулеса», а я пока уберу за собой и достану мороженое. Странно, Мира сказала, что еда в доме закончилась, — он открыл морозильник, — а тут целые залежи мороженого.

— Потому что мороженое — не еда, — бросив это, Оливия направилась в гостиную, радуясь небольшой победе.

В это время доктор Корон смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом. Он стал замечать за дочерью желание доводить дело до конца с заметным упрямством. Это, неоспоримо, полезное качество для человека, однако Оливия будто не давала себе права на ошибку. В доме чисто, еда вкусная, уроки сделаны... Ее даже упрекнуть не в чем. Его кейс вздулся от огромного количества исписанных и неотсорти-

рованных листов с записями. Ошибки свойственны людям любого возраста, и нежелание признавать их и отпускать... проблема. Он не собирался превращать дочь в пациента и ставить диагноз, однако некие звоночки в ее поведении все же наблюдались. Доктор Корон не мог сообразить, когда они с женой стали требовать от нее лучших результатов. Наоборот, никогда не перегибали палку с запросами, скорее, спускали на тормозах промахи и недочеты. Вот только Оливия стремительно приобретала комплекс отличницы. Он закрыл морозилку, которая начала пищать, и поставил грязный контейнер в раковину. Доктор Корон открыл ящик со столовыми приборами и закусил губу, вновь задумавшись.

– Папа! Ну ты где? Я уже даже карандаши отсортировала! – позвала его из гостиной Оливия.

– Иду! Не кричи, разбудишь мадам Регину и маму! – ответил он и прошептал. – Если Мира поймает меня на разборе диснеевских мультиков с Оливией снова, убьет на месте, – он выдохнул. – Ладно, потом разберусь.

Сказал он и своему кейсу с пациентами, и навязчивым мыслям.

Призрак Клуба

– Кларк, а ну-ка вызови ее сюда! Немедленно!

Смуглый парень прикрыл глаза и сжал ладони в кулаки, пытаясь унять раздражение. Его терпения хватило всего на пару минут. Он зашипел, как кошка, которой наступили на хвост, и вскинул руки вверх, прокручиваясь на стуле. Этот детский жест обычно приводил его в чувство, однако злость все ширилась и ширилась в его груди, грозясь поломать ребра. Парень с черными, немного вьющимися волосами помассировал виски и закинул ноги на стол. Он ругал всех сотрудников, стоило им устроить беспорядок на рабочем месте или, не дай бог, сидеть на столах, однако сам он изредка нарушал свои же правила. В конце концов, именно он потратил целое состояние, чтобы купить каждый ластик в этом офисе и вообще – арендовать этаж в одном из небоскребов Мехико...

Кларк, его секретарь, оповестил, что выполнил просьбу,

и тут же отключился, избегая негодования начальника. Ловкие пальцы расстегнули две верхние пуговицы, позволяя дышать свободнее. Рубашка, подаренная другом, оказалась на размер меньше, но глупая сентиментальность заставляла мучиться не только удушьем, но и ностальгией по школьным временам. За прошедшие годы только воспоминания о школьных деньках вызывали у него искреннюю улыбку. Они яркими красками вырисовывались в его сознании, превращаясь в четкую картинку чего-то по-настоящему доброго и светлого.

В то, каким он был дураком, не верилось. Это сейчас он – Ричард Альварес, писатель, известный всем по циклу романов в жанре фэнтези. В век цифровых технологий он – один из немногих, ради творчества которого гибнут тысячи деревьев. Пару лет назад ему пришлось инвестировать огромные деньги в лесную промышленность, чтобы эоактивисты перестали обвинять его в убийстве планеты. А Ричард был и не против помочь природе. С годами он проникся культурой своей мексиканской нации, заинтересовался проблемами экологии и потерялся в лабиринте собственных мыслей. Вместе с популярностью пришли деньги и власть. Его отец – успешный бизнесмен, но Ричард уже много лет не брал у него и песо, наоборот, вливая свои деньги в его компанию. Несмотря на хобби, которое превратилось в работу, он не потерял любви к творчеству и просто наслаждался процессом, научившись брать музу в заложники. Держать внимание ми-

ра пять лет – тяжелое бремя. По крайней мере, все так думали и постоянно спрашивали об этом молодого писателя. Ричард же в такие моменты загадочно улыбался, потел и не знал, что сказать. Врал он плохо, а говорить публике: «Да я как-то и не задумывался об этом», – немного инфантильно.

Вчера он поставил последнюю точку в заключительной книге цикла. Конечно, еще предстоит много работать над текстом, но вот сейчас, именно сейчас – все, он свободен... На какое-то время. И почему-то ничего, кроме опустошения, Ричард не чувствовал. Обычно, когда он завершал какую-нибудь историю, множество идей уже кружились в его голове и сражались не на жизнь, а на смерть за право быть воплощенными на бумаге. Сейчас же, по непонятным причинам, сердце Ричарда изнывало от скуки, а в мозгу засело раздражающее спокойствие. Ему через неделю стукнет двадцать восемь лет. Он договорился со своими лучшими друзьями – Джеком, его женой Джуд и детьми, а также с Томом и Аланом отпраздновать это событие в кафе в Нью-Йорке. Несмотря на значительно расширившийся круг знакомых после обретения популярности, друзей у Ричарда не прибавилось. Ехать из Мехико в Нью-Йорк, чтобы поесть праздничного пирога, – это звучало дико, однако он проворачивал такое уже не один раз. Без этого рисковал и вовсе потерять связь со своим прошлым.

Ричард развернулся к окну. Шел дождь.

Глобальное потепление, конечно же, внесло свои измене-

ния в климат, но прямо сейчас Ричард, прикрывая глаза, вспоминал снегопад в Нью-Йорке. По какой-то необъяснимой причине именно он привлекал его внимание в фильмах, сериалах и книгах. Магия, которой наполнялся зимний Нью-Йорк, превращала его из города ярких огней в город мистический, таинственный.

Себе Ричард мог признаться, что ему необходимо время для новой книги. Ему хотелось написать искреннюю историю. И для этого ему необходим Нью-Йорк, снегопад, столик и друзья. Другими словами, передышка. Ностальгия теплым одеялом укрыла его разум, погружая в сон и скрывая от него еще одно, пока что непонятное чувство.

На моменте, где ему снилась драка с Джеком за мороженое, его бесцеремонно разбудили:

– Ну ты и козел, брат! Я сюда летела, чуть ноги себе не переломала. Кларк сказал, что ты уволишь весь свой юридический отдел, если я не прибегу к тебе в течение двадцати минут, – Роуз, его сестра, откинула волосы назад и вытерла пот со лба. Кажется, ей грозил реальный срок за убийство старшего брата. – Если прямо сейчас ты не объяснишь, почему я поднималась девять этажей на каблуках из-за сломанного лифта, перепрыгивая по три ступеньки, клянусь конституцией, в следующий раз мы будем праздновать День мертвых по разные стороны реальности!

– Да что ты так разоралась-то?! – Ричард взмахнул рукой и зевнул. – Я сейчас вызову охрану и натравлю на тебя своих

юристов.

– Я твой юрист, чудик ты этакий! – Роуз бросила какую-то папку на стол. – Заканчивай со своими шутками и давай серьезно. Чего звал?

– Рыбу или пиццу заказать на обед? – Ричард видел, как у Роуз задергался глаз. Он еще планировал потрепать ей нервы за сорванный сон. – Не могу определиться. Нужен совет эксперта.

– Сам выпрыгнешь из окна, шпала двухметровая, или тебе помочь? – спокойно поинтересовалась она.

Ричард приподнял бровь.

– Поверь, я знаю, сколько я просижу за это, и я согласна, – она выдохнула и подтащила стул к столу брата. – Рыба. Заказывай. Так о чем ты хотел поговорить?

– Кларк, слышал? Заказывай рыбу, – Ричард усмехнулся и выключил автоответчик под шокированный взгляд сестры. – Что?! Кларк был моим свидетелем на случай, если ты реально захотела меня убить.

– Одним больше, одним меньше... – прошептала Роуз.

Они замолчали. Роуз отвлеклась на дождь за окном, поэтому у Ричарда появилась возможность понаблюдать за ней, когда маска строгой и властной руководительницы его юридического отдела слетела, являя ее истинное лицо. Нормальные отношения с сестрой у него выстроились только пару лет назад. Роуз всегда с завистью смотрела на путь Ричарда, иногда вполне сознательно вставляя палки в колеса. Добродуш-

ный и незлопамятный, Ричард лишь молчал и в лучшем случае на время отстранялся от общения. Ему приходилось терпеть три праздника в году: День благодарения, Рождество, день мертвых. Придерживаясь старых традиций, они собирались дома и зачастую разводили скандал. И вот, каким-то невероятным чудом, Ричард предполагал, что это чудо психотерапии, Роуз, успокоилась. Других объяснений у него не нашлось. С того дня, а именно дня мертвых, они с сестрой начали общаться даже вне родительского дома. Спустя пару месяцев он нанял ее на пост главного юриста.

– В это время в Нью-Йорке обычно снегопад, – прошептал Ричард, выводя Роуз из размышлений. – А тут льют дожди. Даже в странах, где солнце висит над головой, кажется, постоянно случаются пасмурные дни.

– Опять включил писателя? – бросила Роуз, натягивая свою маску ледяной королевы. – Ты уже решил, куда поедешь на день рождения? – она прекрасно знала о его планах.

Ричард оценил ее желание поддержать разговор.

– Будешь опять встречаться со своими друзьями-неудачниками?

– Ты же помнишь, что я заказал билборд на Таймс-сквер напротив билборда Тома, где спрашиваю его: «Как дела?» Только подумать... Десять лет – и все произошло так, как завещала нам Ванесса, – Ричард отвел глаза в сторону, вспоминая, как много времени прошло со смерти мамы его лучшего друга Тома – Ванессы. – Она пророчила нам успех: Том

стал одним из самых востребованных актеров на Бродвее, я – знаменитый писатель, Джек – получил степень по астрофизике... Я вспоминаю, как спал на диване в два раза меньше меня, – он усмехнулся. – Много воды утекло.

– Да, и в основном – это твои слезы, – улыбнулась Роуз.

Она хотела, чтобы ее слова звучали саркастично, но решила не портить настроение брату, заметив его печальное состояние. После написания истории он всегда впадал в какую-то апатию и, к сожалению, вновь начинал читать книги других авторов...

– Маринетт уже забронировала тебе билеты, наняла охрану и сделает все, чтобы ты добрался до своего отеля. В прошлый раз поклонницы сдирали с тебя одежду в буквальном смысле. До сих пор я гоняюсь за твоими фотками в трусах.

– Сам виноват, не надел ремень.

На заявление брата Роуз вскинула бровь и покачала головой.

– Ну что? Штаны не так сложно сорвать!

– Даже несмотря на то, что ты раскачался, начал пользоваться услугами косметолога и за твоим внешним видом следят примерно пятьдесят человек... они не имели права срывать с тебя одежду и лапать! Ричард, алло? Тебя чуть не изнасиловали в Париже! – Роуз по-настоящему запуталась. Она не понимала, шутил ли ее брат или действительно винил в случившемся себя. – Чтобы вообще никогда такого не слышала! Перестань оправдывать людей.

– Ну вот, к примеру, сейчас я вывел тебя из себя. Кто виноват? – он отвернулся. – Да понял я, понял. Не начинай очередную схватку за права человека. Я им следую неукоснительно.

– Вот и ладненько, не забывай, – она залезла в телефон. – Ты помнишь, что у тебя назначено свидание?

– Я не пойду, – резко проговорил Ричард. – Нет. Для этого у меня нет настроения и желания. Вот задумайся, не издевательство ли – гнать меня на свидание с таким упорством?! Я сходил уже на целых три свидания, и единственное, о чем я мечтал, – это побыстрее свалить домой, – он напряженно выдохнул. – А сейчас меня хватит только на то, чтобы съесть свою рыбу и сбежать из офиса.

– Три свидания за два года, Ричард! Ты в своем уме? А до этого ты вообще ни с кем не встречался! Не жалуйся и иди на свидание, – она прищурила глаза. – Может, тебе девушки не нравятся? Ты так и скажи!

– Да что ты пристала! Я тебе сотню раз говорил – нравятся-нравятся. Мне не подходят те, что ты находишь! – он застонал от раздражения. Идея позвать сестру на обед обернулась для него в очередной разговор про его личную жизнь. – Мне не хочется сейчас этих отношений. Вообще искать себе спутницу жизни вот так, через сестру-сводницу, – плохая идея. Я надеялся, что все случится само собой. Увижу девушку – и захочу подойти к ней! А не сбежать!

– Ты пять минут разглядывал Жаклин! Я все видела! Не

ври мне!

– У нее буквально на лбу набит единорог, Роуз, я разглядывал ее татуировку... На лбу! – он покрутился на стуле. – Отменяй свидание, и все на этом. Сама втянула меня, сама и вытягивай. Я просто не приду!

– Ты невыносим!

– Ваша еда, мистер и миссис Альварес, – Кларк вкатил в кабинет стол с подносами. – Тут все как вы любите. Напитки принесу через пару минут.

Увидев каменное лицо секретаря, Роуз прищурилась.

– Ты опять вызвал его, чтобы прервать мою речь едой? Знаешь? Я не договорила! Вот доем рыбу – и договорю!

– Не думаю, что это возможно, миссис Альварес, к вам пришел мистер Рокет и ждет вас.

Глаза Роуз полезли на лоб.

– Сколько он меня ждет?! Кларк! Я убью тебя!

– Три минуты сорок одна, сорок две, сорок три...

– Мать божья, я полетела! Такие люди, как Рокет, могут подать меня на стол вместо главного блюда! Ненавижу! Черт! Ни поесть, ни поговорить! – она вылетела из кабинета, не прощаясь.

– Ты же знаешь, что она убьет тебя, когда узнает о лжи? – Ричард решил поинтересоваться у Кларка, пока ему еще не засунули кляп в рот. – Спасибо.

– Благо, миссис Альварес, как никто другой, знает, что за убийство ей придется оставить пост главного юриста «Аль-

варес ИН» и отправиться шить одежду в тюрьму, — он поклонился. — Я оставляю вас и запру дверь. Если вы не против, я сам отлучусь в бункер на обед. Надеюсь, это спасет меня от вашей сестры.

— Спасибо, Кларк, конечно, иди, — Ричард кивнул и отвернулся к окну.

Дождь за окном прекратился. Звукоизоляция отгородила его от мира, поэтому он и не заметил, как природа успокоилась и начало проглядываться солнце, пуская лучи по многоэтажкам, лужам на крышах, создавая радуги в воздухе. От разговора с Роуз он пережил сразу несколько эмоций, но, к счастью, все же остановился на щемящем чувстве теплоты в груди.

Сестра поставила себе цель — найти брату девушку. Не то чтобы Ричард упирался ногами и руками, но огромное количество работы и мыслей не позволяли сконцентрироваться не то что на другом человеке, на себе самом. В целом, он был не прочь найти себе девушку, но без таких усилий со стороны сестры. Чтобы после первой встречи просто захотелось увидеть ее еще и еще раз. Многие, к сожалению, охотились за его деньгами, популярностью, а кто-то даже пытался познакомиться через его друзей. После пары неудачных встреч он с подозрением относился к «искренним» намерениям. Благо, сейчас, наблюдая, как стая птиц, названия которых он не знал, взметнулась в воздух, а лучи солнца заиграли на их мокрых перьях, он чувствовал спокойствие.

– Нужно перечитать «Маленьких женщин»...

* * *

– Итак, я в Нью-Йорке! Что теперь?

Оливия вышла из такси и, судя по навигатору, оказалась где-то на Бродвее. Какой-то бродяга открыл рот от удивления, когда она, не вняв совету Билли, начала разговаривать сама с собой. Перекладывая ответственность за организацию поездки с себя нынешней на себя в будущем, она не ожидала так быстро столкнуться с неприятными последствиями. Во-первых, во-вторых и даже в-третьих, терять чемодан в аэропорту, даже когда у тебя два телефона... паршиво! На ней джинсы, футболка, а вся ее обувь осталась в каком-то аэропорту. Все бы ничего, да только зима в Париже несколько отличается от зимы в Нью-Йорке, и стильной кожаной куртки оказалось недостаточно, чтобы согреть ее мечты о кардинальных изменениях.

Она поморщилась от холода и заметила торговый центр. У нее не было брони в гостинице, но, стараясь не думать об этом, Оливия бодрой походкой направилась в тепло.

– И откуда в мире столько снега?

За пару минут ее чуть не занесло снегом. Такими темпами ей, помимо пары сапог, понадобится еще и лопата. Она не собиралась мелочиться.

Оливия пообещала себе сделать один важный звонок по

приезде в Америку, а для этого ей необходимо чувствовать себя раскрепощенно и уверенно. Ничто не поднимет ее самооценку выше, чем магазин «Прада». Бокал шампанского, обходительные разговоры и одежда стоимостью в целую квартиру – это то, что необходимо израненной французской душе и засидевшейся пятой точке после перелета. Мягкий свет не резал глаза и не мешал Оливии искать свою жертву в виде консультанта. Вместо него, правда, нашелся директор магазина – девушка невысокого роста, в идеально сидящем костюме, с легким макияжем. Подняв повыше подбородок, Оливия направилась к ней. Еще одно преимущество дорогих магазинов нынешних лет – непредвзятость. Да, возможно, сейчас на ней одежда стоимостью в лучшем случае баксов сто, но Оливия этого не стыдилась. Важно, не сколько на тебе надето, а сколько ты готов заплатить, чтобы это исправить.

– Доброе утро, миссис Райт, меня зовут Оливия Корон, и я бы хотела подобрать себе пальто, две пары зимних сапог, два свитера, какие-нибудь невероятно красивые чулки и обязательно шляпу, чтобы она могла закрыть меня подобно зонту, – Оливия говорила и активно жестикулировала.

Миссис Райт улыбнулась и посмотрела по сторонам в поиске свободных консультантов. Однако день выдался удачным на богатых клиентов.

– Мне что-то из последней коллекции. Не хочу бродить по Нью-Йорку в каком-то тряпье, – Оливия улыбнулась. – Вы же не против, если я позвоню, пока вы подбираете мне одежду?

Размер «М», ноги двадцать три и пять. Спасибо большое, буду ждать!

– Сейчас я позову кого-то к вам, и мы все подберем, – ответила миссис Райт.

Не сказав ничего в ответ, директор магазина удалился в поиске необходимой одежды, пока Оливии несли ее шампанское и проводили к уютному креслу с подогревом, спрятанному от оценивающих взглядов других.

Присев, Оливия хмыкнула и разблокировала телефон, но затем отвлеклась и посмотрела в окно, за которым не прекращался снегопад. На стекле мороз нарисовал замысловатые узоры. Телефон успел заблокироваться, а мысли Оливии – ускакать куда-то за океан. Ей хотелось... Нет, она считала, что ей необходимо совершить пару безумных поступков. Помнила ли бабочка о своем прошлом гусеницы? Или в куколке менялся не только ее внешний вид, но и мышление? Оливия разблокировала телефон и, не удерживая в голове ни единой мысли, позвонила первому номеру.

– Привет, Отис, как дела?

Сначала в трубке, помимо удивленного вдоха, слышался чей-то смех, а потом повисло молчание. Оливии пришлось проверить, не сорвался ли звонок.

– Не поздно звоню? Я даже не знаю, сколько времени сейчас в Париже.

– Я убью тебя.

– Понятно, – Оливия закусила губу и улыбнулась.

– Не улыбайся. Тебе конец, Оливия.

– Все-то ты знаешь, Отис, – она выдохнула, и улыбка отчего-то исчезла с ее лица. – Ты сам прекрасно понимаешь, что мне нужна эта поездка. Мне нужен этот путь. Странно будет извиняться за то, что я хочу пройти его одна.

На том конце провода продолжали молчать, а Оливия начинала закипать.

– Сколько между нами километров? Три тысячи? А я отсюда слышу, как ты недовольно пыхтишь. Да. Я не попросилась лично. Хочешь знать почему? Потому что тогда было легче выйти из окна, чем сесть в метро до вашей квартиры.

– Я бы вызвал тебе такси! – Отис крикнул, не сдерживая эмоций, но резко взял себя в руки. – Ладно. Хорошо. Я понимаю. Надеюсь, черт возьми, что понимаю. Оливия, в этой жизни надо говорить с людьми, они не умеют читать мысли, – он шумно вздохнул. – Тяжело смотреть, как близкие люди страдают. Мы все волнуемся. Надеюсь, ты вернешься поскорее целая и невредимая. Но почему ты звонишь сейчас?

– Так получилось, что я вынуждена... вынуждена исчезнуть, – Оливия говорила шепотом и посмотрела по сторонам. – Это мой последний звонок вам. В следующий раз мы увидимся, когда я приду в себя и буду чувствовать себя лучше.

Она слышала, как в трубке Отис просит «кого-то» отстать и не лезть.

– Не пытайтесь найти меня, договорились? Это ни к чему

хорошему не приведет.

– Оливия!

– Вы все должны поверить мне и дать время. С этого дня Оливия Корон становится отшельником... в мегаполисе, – она вздохнула от усталости и потерла лоб рукой, не боясь испортить макияж, снег уже постарался. – Не нужно устраивать разборки. Не нужно кричать. Не нужно давить. Нужно принять.

– На моем месте ты бы мне черепушку разбила ложкой, – заключил Отис. – Это не так просто. Хорошо-хорошо. Я понял. Почему это выглядит как прощание? Ты же не собираешься пропасть навечно? Пройдет неделя, месяц, год, пять лет, но ты же вернешься домой? Ты важная часть нашей жизни.

– Домой, – отрешено сказала Оливия, рассматривая сапог в стоимость почки на витрине. – Конечно. Я не на электрическом стуле, – шепотом, чтобы даже Отис не услышал, проговорила Оливия. – Пока что.

– Я скучал. Скучаю и буду скучать! – она слышала, как Отис усмехнулся. – Мне рассказали, в каком виде ты заявила в офис. Ты же понимаешь, что дело не в одежде, да? Да ты хоть сожги весь свой склад с тряпками, натри кожу докрасна мицеллярной водой и перестань разговаривать, как сбегавший из психбольницы пациент, – ты есть ты. Без понятия, знает ли кто, что скрывается под тонной глиттера, но глаза, Оливия! Глаза никогда не врут.

Слова друга тронули ее до глубины души.

– В твоих – огонь, – скандировал Отис.

Она непроизвольно заплакала.

– Пообещай мне, что им ты сожжешь все вокруг, если это понадобится, но не сгоришь сама. Пообещай.

– Обещаю, *мой дорогой Отис*, обещаю. А ты ешь больше овощей, – она услышала чей-то громкий смех и такое же громкое «заткнись» рядом. Отголоски другого мира вновь дали ей пощечину. – Мне пора, – прервала она назревающий скандал. – Мне и правда пора. Мне приятно говорить это... Увидимся, Отис. Еще увидимся.

– Пока!

Оливия выключила телефон и выбросила его в рядом стоящее мусорное ведро.

Двери захлопнулись.

– Миссис Корон, мы подобрали для вас несколько комплектов одежды, это топы нашей коллекции. Сейчас два ассистента подойдут к вам и помогут, – привлекла ее внимание миссис Райт.

Оливия понимала, что навряд ли директор будет снимать с нее обувь и примерять сапоги, но она по какой-то неведомой причине хотела поговорить с ней.

– Знаете, я не была в Нью-Йорке больше десяти лет, – Оливия мечтательно посмотрела вверх, вспоминая свою летнюю поездку с друзьями. Там произошло много судьбоносных моментов. – Совершенно не ориентируюсь в городе. Са-

мокаты, велосипеды даже в такую заснеженную погоду, билборды-голограммы... Многое поменялось, а люди? Люди те же самые?

– О, миссис Корон...

– Мисс, мисс Корон! Как у Бертон – всегда невеста, никогда жена, – она улыбалась широко и счастливо, но внутри как будто размокла под снегопадом. Признать это для нее сейчас было сродни моральному самоубийству. И Оливии оставалось надеяться, что миссис Райт просто проигнорирует ее крик о помощи. Сейчас ей нужны сапоги, потом – все остальное.

– Мисс Корон, вы попали в Нью-Йорк, не забывайте об этом, – директор улыбнулась. – Это культурная столица США, здесь кипит жизнь, как вода в котле у сатаны. Куда глаза не переведи, везде зазывают зайти и задержаться на пару минут. Девушка в одежде от «Прада» будет желанным гостем там, где ее даже никто не знает.

Оливия слушала ее с открытым ртом.

– Вы решили, ради чего вы сюда приехали? Вечеринки? Симфонический оркестр? Безвылазно сидеть в отеле? Найти друзей? Врагов? В Нью-Йорке возможно все, – речь миссис Райт прервали два ассистента с одеждой. – Вот ваши помощники, *мисс* Корон. С вашего позволения я отлучусь по делам, но вы всегда можете вызвать меня, если возникнет необходимость.

– Хорошо.

Оливию, как модель, одевали в брендовую одежду, а мыслями она пребывала совсем в другом месте. Миссис Райт задала много важных вопросов. Зачем Оливия приехала в Нью-Йорк – до сих пор тайна даже для нее. Утро. Десять часов. Снегопад. Она не знала, куда идти. Спать не хотелось. Есть не хотелось. Веселиться не хотелось. Ничего не хотелось.

Взглянув на себя в зеркало, она не узнала себя в этой оборванке. Она видела наглую парижанку, которая решила заскочить к необразованным американцам и преподать урок высокой моды. И неважно, что именно эти самые американцы одевали ее в итальянскую одежду. В этом городе все наоборот: казаться, не быть.

– Красный снова в моде, мисс Корон, поэтому темно-бордовые сапоги на невысоком каблуке, свитер цвета «масака», с белыми полосами, юбка длиной чуть выше колена цвета «дворец».

Из размышлений ее вывел консультант, который завершил ее образ. Оливии казалось, из нее сделали эльфа, не хватало только шапки с колокольчиками, но выглядело все равно красиво.

– Вы великолепны. Но есть ли у вас водительские права?
– Что? – Оливия нахмурилась и повернулась к ассистенту. – Какие, к черту, водительские права? Для саней Санты? Одежду уже не продают без водительского удостоверения? Нет, я не вожу машину...

– Тогда нужен ай-ди, детка! – голос ассистента изменился.

Оливия потеряла нить их разговора. Вот она выбирала одежду перед зеркалом – и секунду спустя у нее уже требовали документы. Разве их не устроит ее банковская карточка?

– Если нет, то тебя не пустят.

Оливия хотела возмутиться и уже позвать директора, как кто-то толкнул ее в плечо. Она поморщилась и резко повернулась в сторону, собираясь дать пинка второму ассистенту, как замерла на месте, ослепленная яркими лучами.

– Сегодня поют важные шишки, и, даже если вы в одежде от «Прада», мы не можем пустить вас внутрь без удостоверения личности.

Она распахнула от шока глаза. Огромный кит-ночь сожрал Нью-Йорк вместе с Оливией, которая не заметила и не поняла, каким образом оказалась около огромного пятиэтажного клуба. Охранник требовал от нее документы, а задел ее вовсе не ассистент, а один из гостей в очереди – торопил ее.

Пребывая в полном шоке, она достала свой второй телефон, показала на нем ай-ди, заплатила за вход и прошла по синей ковровой дорожке внутрь.

Оливия пришла в себя и пыталась понять, голодна ли она? Нет. Значит, заходила поесть. Хочет спать? Нет. Значит, успела где-то подремать пару часов. Провалы в памяти были ей свойственны, но только в моменты сильнейшего стресса.

Оливия поднялась по небольшой лестнице, и очередной охранник открыл перед ней дверь. В длинном узком холле она уже слышала грохотание музыки и вновь теряла себя в темноте. Заметив на своем длинном и нелегком пути до танцплощадки несколько зеркал с лампочками, она направилась к ним, чтобы посмотреть на себя.

– Какого же хрена?!

Она ударила по небольшому столику после первого взгляда в зеркало. Люди шли рядом, не обращая на нее никакого внимания.

Оливия снова посмотрела на свои волосы. Она успела вновь осветлиться и прокрасить несколько прядей. На лице макияж валькирии, а красный уютный свитер сменился на черный топик с кожаными штанами. Когда ассистент в «Прада» успел одеть ее в стриптизершу?!

Несмотря на боевой раскрас и вызывающую одежду, она чувствовала себя лучше, чем утром. Оливия ценила моменты, когда пребывала внутри потока, а не выпадала из жизни. Дверь громко хлопнула, выводя ее из размышлений. Она хотела посмотреть в ее сторону, но, подавив порыв, продолжала разглядывать себя. Оливия вдруг вспомнила свой разговор с Конардом, и ей хотелось обозвать себя лицемеркой. Однако тут же она осознала, что поиск себя – это постоянное метание от того, кто мы есть, до того, кем нам хотелось бы стать. Оливия решила дать себе передышку.

Уже внутри она поняла, почему клуб называется «Вави-

лон». Пятиэтажное здание своим видом напоминало полуколонну, закрученную наподобие раковины моллюска. Везде горели софиты, грохотала музыка, кричали люди. Алкоголь лился рекой, посетители передавали друг другу запрещенные вещества. При входе в такое место нужно не паспорт спрашивать, а проводить психиатрический осмотр на вменяемость. Оливия заметила над сценой огромные часы с таймером. Отвратительная музыка била по ушам. Голос певца казался смутно знакомым, но она решила не забивать голову рассуждениями о сомнительной дискографии клуба. Какие-то важные шишки собирались сегодня поразить публику, по этой причине народу скопилось так много, что Оливии пришлось буквально пробивать себе дорогу к бару. Она загорелась целью снять VIP-столик, сколько бы он ни стоил. В такой давке она или сама погибнет, или убьет кого-то. А еще ей нужно горячее, иначе, даже несмотря на шум, заснет стоя.

– Хей, парень! Сколько стоит VIP-столик? Плачу сколько скажешь! – она схватила бармена за рукав, слегка наклонившись через стойку. – Почему здесь так много народа? Деньги раздают? Я не понимаю.

– Выступает группа «Красивые города»! – закричал ей в лицо бармен. – Ты уверена, что тебе хватит денег на VIP-столик? Может, обычный? VIP остался только один, и стоит он почти семьдесят тысяч!

– Да хоть сколько! Мне все равно! Мне все равно...

На заявление Оливии бармен кивнул и хотел уже открыть рот, как его перебила девушка со сцены. Музыка прекратилась, и все уставились на нее.

– Ребята! Нужно подождать еще совсем немного! Джеймс скоро появится! Он отошел перекусить! Ничего! Концерт будет, мы уже настраиваем оборудование и ждем нашего фронтмена.

Толпа заревела, захлопала, и музыка вновь ударила по барабанным перепонкам. Оливия открыла рот от удивления и принялась искать в Интернете название группы Джеймса. Она не могла поверить в такое совпадение, но, видимо, у вселенной сегодня свои планы на нее.

– Джеймс, козлина, как ты это все это устроил?

Конечно, скорее всего, друг ничего и не знал о ней.

Она отправила ему сообщение: «Это Оливия. Я здесь. Ты где?»

Ответ пришел практически мгновенно: «Почему я не удивлен? Туалет, четвертый этаж, восточная сторона».

Ей нужно было постараться не заблудиться в лабиринтах Вавилонской башни. Однажды разрушенная, сегодня восстановившаяся, ее винтовые лестницы вели ее в нужном направлении. Оливия не видела Джеймса четыре года. В последнее время у них у всех такие плотные графики, что, если бы не терапия Конарда, то Оливия и с ним виделась бы раз в год. Она почувствовала укол вины, когда не узнала название его группы. А ведь Джеймс знаменит. По-настоящему знаменит.

Ей хотелось увидеть добродушную улыбку старого друга, перекинуться парой слов и почувствовать тепло от душевного разговора.

Людей, по мере приближения к обозначенному месту, становилось все меньше и меньше. Оливия предположила, что это связано с тем, что отсюда до бара далековато. Посетители ленивые. Она и сама почувствовала, как вспотела, пока поднималась по винтовым лестницам. Красиво. Со смыслом. Неудобно. Оливия завернула в сторону еще одного узкого коридора и увидела около двери охранника. Она с подозрением окинула его взглядом, но тот не шелохнулся и спокойно пропустил ее в мужской туалет. Стоило ей зайти, как звук будто отрезало. Она с испугу обернулась.

– Да, поэтому я здесь. Тут тихо.

Джеймс сидел у самой последней кабинки на полу. Она посмотрела по сторонам. В конце концов, туалет был мужской, и ей не хотелось никого беспокоить. Однако по мере приближения к другу она убеждалась: тут никого нет, кроме Джеймса. Возможно, и Джеймса тут тоже нет. После неожиданного перемещения из магазина «Прада» в клуб Оливия не доверяла своему рассудку. Тем более что отрешенный взгляд Джеймса, сигарета в его зубах и бутылка с виски рядом с ним говорили, что не только у нее отвратительное настроение. Она не собиралась играть во внештатного психотерапевта и устраивать сеанс на кафельном полу. Зато никто не будет давить на мозги улыбкой и счастливо сложившейся

ЖИЗНЬЮ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.